

БРИТТАНИ Ш. ЧЕРРИ

ВОЛНЫ

*в которых
мы утонем*

18+

Я буду твоим якорем.
Вместе мы переживем эту тьму.

Бриттани Ш. Черри

Волны, в которых мы утонули

Серия «Freedom. Бриттани Ш. Черри. Лучшая романтическая проза»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64635651
Волны, в которых мы утонули: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-112645-2

Аннотация

Мгновения... Мы никогда их не забываем.

Мы помним, что привело нас к тем или иным решениям. Помним слова, которые дали надежду или уничтожили.

Разные мгновения были вызовом для меня, пугали и накрывали с головой. Однако самые важные – все были связаны с НИМ.

Мне было десять, когда я потеряла голос. Единственным человеком, который был способен услышать мою тишину, был Брукс. Он стал для меня светом во мраке, обещанием. Пока трагедия не погрузила его в море воспоминаний.

Это история мальчика и девочки, которые любили друг друга, но не любили себя. История о любви и невыполненных обещаниях.

Все началось с ночника в форме ракеты и с мальчика, который меня не знал.

Мы никогда не забываем мгновения.

Содержание

Пролог	7
Часть 1	16
Глава 1	16
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	56
Глава 5	59
Глава 6	71
Часть 2	79
Глава 7	79
Глава 8	89
Глава 9	101
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Бриттани Ш. Черри

Волны, в которых МЫ УТОНУЛИ

Посвящение

Тем, кого, как и меня, уносят волны.

Якорям, что всегда возвращают нас домой.

Brittainy C. Cherry
The Silent Waters

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2016. The Silent Waters by Brittainy C. Cherry
Published by arrangement with Bookcase Literary Agency

and Andrew Nurnberg Literary Agency

© Лидман М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Пролог

Мэгги

8 июня 2004 года – шесть лет

– В этот раз все будет по-другому, Мэгги, я в этом уверен. В этот раз – навсегда, – пообещал папа, останавливая машину у дома из желтого кирпича на углу Джейкобсон-стрит. Будущая жена папы, Кэти, стояла на крыльце и смотрела, как он паркует наш старый универсал на подъездной дорожке. «Волшебно».

Переезд в этот дом – это просто волшебно: из небольшой квартирке я перебиралась в самый настоящий дворец. Мы с папой всю жизнь провели в крошечной двухкомнатной квартирке, а сейчас будем жить в двухэтажном доме с пятью спальнями, кухней размером с Флориду, тремя ванными и самой настоящей столовой – столовой, а не гостиной, где папа каждый день в пять часов вечера накрывал ужин на подносах. Папа сказал, что у них на заднем дворе даже есть бассейн. «Бассейн! На заднем дворе!»

Теперь я буду жить не с одним человеком. У меня будет

семья.

Хотя как раз в этом для меня не было ничего необычного. У нас с папой было много семей – мы меняли их сколько я себя помню. Самую первую я толком и не знала: моя мама ушла от папы еще до того, как я начала говорить. Она встретила другого мужчину, с которым чувствовала себя любимой больше, чем с папой. Хотя в это мне верилось с трудом, потому что папа полностью отдавался любви – чего бы ему это ни стоило. После того как она ушла, он дал мне коробку с ее фотографиями, чтобы я не забывала мать. Но мне это казалось странным: как можно помнить женщину, которой никогда не было рядом?

После нее он стал легко влюбляться в женщин. И часто они тоже в него влюблялись. Они заселялись в наш крошечный мирок со всеми своими пожитками, и папа говорил, что это навсегда, но «навсегда» заканчивалось быстрее, чем он надеялся.

В этот раз все было по-другому.

В этот раз он познакомился с любовью всей своей жизни в чате AOL. Когда моя мама нас бросила, папа сполна почувствовал, что такое неудачные отношения. Так что он подумал, что было бы неплохо попробовать познакомиться с кем-то в Интернете. И это сработало. Кэти потеряла мужа много лет назад и с тех пор не ходила на свидания, пока в Интернете не познакомилась с папой.

И в отличие от всех предыдущих случаев на этот раз мы

с папой переезжали к Кэти и ее детям, а не наоборот.

– В этот раз – навсегда, – прошептала я папе в ответ.

Кэти красивая, как женщины, которых показывают по телевизору. Мы с папой смотрели ТВ-передачи во время ужина, и я всегда обращала внимание на то, какие там все потрясающие. Кэти выглядит точь-в-точь как они. У нее длинные светлые волосы и ярко-голубые глаза, почти как у меня. Ногти ее накрашены ярко-красным лаком в тон помаде, а темные ресницы длинные и густые. Когда мы с папой въехали на ее – на нашу – подъездную дорожку, она уже ждала нас, одетая в красивое белое платье и желтые туфли на высоких каблуках.

– О Мэгги! – воскликнула она, подбегая ко мне и открывая дверь машины, чтобы обнять меня. – Так здорово наконец-то с тобой встретиться.

Я настороженно подняла бровь, сомневаясь, стоит ли мне обнимать Кэти в ответ, хотя от нее пахло кокосом и клубникой. До встречи с Кэти мне и в голову не приходило, что кокос и клубника могут сочетаться.

Я посмотрела на папу. Он улыбнулся мне и кивнул один раз, разрешая обнять Кэти.

Она стиснула меня в объятьях так, что у меня затрещали ребра, и вытащила из машины. Но я не жаловалась. Меня уже очень давно не обнимали так крепко. Наверное, последний раз это было, когда дедушка приезжал к нам в гости.

– Идем. Я познакомлю тебя со своими детьми. Сначала

мы пойдём в комнату Кельвина. Вы ровесники, так что будете вместе ходить в школу. Он сейчас дома вместе со своим другом.

Кэти не поставила меня на землю. Вместо этого она понесла меня к ступенькам. Папа схватил несколько наших сумок. Когда мы вошли в дом, я в удивлении вытаращила глаза.

«Ух ты».

Внутри было очень красиво. Я была уверена, что именно так выглядел дворец Золушки. Кэти поднялась со мной по лестнице, подошла к последней комнате слева и открыла дверь. Я увидела, как два мальчика играют в «Нинтендо»¹ и кричат друг на друга. Кэти опустила меня на пол.

– Мальчики, сделайте паузу.

Они не послушались.

Они продолжали спорить.

– Мальчики, – повторила Кэти построже. – Сделайте паузу.

Ноль реакции.

Она фыркнула и подбоченилась.

Я обиженно фыркнула и повторила ее позу.

– МАЛЬЧИКИ! – вскрикнула она, выдергивая вилку приставки из розетки.

– МАМА!

¹ «Нинтендо» (Nintendo) – японская компания, специализирующаяся на создании видеоигр и игровых консолей. Здесь имеется в виду игровая приставка этой марки.

– МИСС ФРЭНКС!

Я хихикнула. Мальчики повернулись к нам с выражениями глубочайшего шока на лицах. Кэти улыбнулась.

– Теперь, когда мне удалось привлечь ваше внимание, я хочу, чтобы вы поздоровались с Мэгги. Кельвин, она будет жить с нами вместе со своим отцом. Ты помнишь, я говорила, что у тебя будет сестра, Кельвин?

Мальчики уставились на меня. Кельвин – это совершенно точно светловолосый мальчик, тот, что был точной копией Кэти. У мальчика, который сидел рядом с ним, были темные растрепанные волосы и карие глаза. Одет он был в дырявую светло-желтую футболку и джинсы, на которых были крошки от чипсов.

– Не знал, что у тебя есть еще одна сестра, Кэл, – сказал мальчик, глядя на меня. Чем дольше он смотрел на меня, тем сильнее у меня болел живот. Я спряталась за Кэти, чувствуя, как пылают мои щеки.

– И я, – ответил Кельвин.

– Мэгги, это Брукс. Он живет в доме через дорогу, но сегодня ночует у нас.

Я выглянула из-за ноги Кэти и посмотрела на Брукса. Он слегка улыбнулся мне, а потом собрал крошки со своих джинсов и засунул их себе в рот.

– Можно, мы еще поиграем? – спросил Брукс. Он снова взял свой джойстик и уставился на выключенный экран телевизора.

Кэти тихонько приснула и покачала головой.

– Мальчишки такие мальчишки, – прошептала она мне, снова включая приставку.

Я покачала головой и тоже хихикнула, в точности как Кэти.

– Ага. Мальчишки такие мальчишки.

Мы остановились у другой двери. За ней была самая розовая комната, которую я когда-либо видела. На полу сидела девочка, одетая в платье принцессы. Она рисовала, а на голове у нее был ободок с кроличьими ушками, и она ела доритос² из розовой пластиковой миски.

– Шерил, – сказала Кэти, входя в комнату. Я спряталась за ее ногой. – Это Мэгги. Она будет жить с нами вместе со своим отцом. Помнишь, я говорила тебе об этом?

Шерил подняла глаза, улыбнулась и запихнула в рот еще чипсов.

– Хорошо, мам. – Она продолжила рисовать, напевая себе под нос песенку, и ее рыжие кудряшки запрыгали вверх-вниз. Потом она прервалась и снова подняла голову. – А сколько тебе лет?

– Шесть, – сказала я.

Она улыбнулась.

– А мне пять! Любишь играть в куклы?

Я кивнула.

² *Доритос* (англ. Doritos) – чипсы из кукурузной тортильи треугольной формы. Очень популярный снэк в США.

Она снова улыбнулась и продолжила рисовать.

– Ладно. Пока.

Кэти рассмеялась и вывела меня из комнаты, прошептав:

– Думаю, вы станете очень хорошими подругами.

Она проводила меня в мою комнату, где папа раскладывал сумки с моими вещами. Здесь было так просторно, что мои глаза расширились. И это все – для меня.

– Ух ты... – я сделала глубокий вдох. – Это мое?

– Твое.

Ух ты.

– Я знаю, что вы, должно быть, устали после долгой дороги, поэтому я дам тебе подготовиться Мэгги ко сну. – Кэти улыбнулась папе и поцеловала его в щеку.

Когда папа вытащил мою пижаму, я спросила:

– А можно, меня уложит Кэти?

Она не стала спорить.

Она уложила меня, и я улыбнулась ей. Она улыбнулась мне в ответ. Мы много улыбались и много разговаривали.

– Знаешь, мне всегда хотелось, чтобы у меня была еще одна дочь, – сказала она, расчесывая мои волосы.

Я не стала произносить это вслух, но мне тоже всегда хотелось, чтобы у меня была мама.

– Нам будет так хорошо, Мэгги. Тебе, Шерил и мне. Мы будем делать маникюр, сидеть у бассейна, пить лимонад и листать журналы. Мы сможем делать все, что так не нравится парням.

Она обняла меня на прощание, а потом вышла и выключила свет.

Мне не спалось.

Я долго ворочалась с боку на бок и хныкала, но папа не слышал меня, потому что он был там, на первом этаже. Он спал в своей спальне вместе с Кэти. Даже если бы я захотела найти его, у меня бы ничего не вышло, потому что в коридоре было темно, а темноту я ненавидела больше всего на свете. Я шмыгнула носом, изо всех сил пытаюсь считать овец, но у меня ничего не получалось.

– Что с тобой? – спросил смутный силуэт в дверном проеме.

Я ахнула и села на кровати, обхватив руками подушку.

Тень придвинулась ближе, и я тихонько выдохнула. Это Брукс. Его растрепанные волосы торчали во все стороны, а на щеках были следы от подушки.

– Перестань плакать. Я из-за тебя не могу заснуть.

Я шмыгнула.

– Прости.

– Так в чем дело? Ты скучаешь по дому?

– Нет.

– Тогда что случилось?

Я смущенно опустила голову.

– Я боюсь темноты.

– А, – он секунду щурился, а потом вышел из комнаты.

Я так и не отпустила подушку и удивилась еще сильнее,

когда Брукс вернулся. Он что-то принес с собой и подошел к стене, чтобы вставить вилку в розетку.

– Кельвину ночник не нужен. Его мама просто поставила лампу к нему в комнату. – Он поднял бровь. – Так лучше?

Я кивнула.

Лучше.

Он зевнул.

– Ну, ладно, спокойной ночи... эм... как там тебя зовут?

– Мэгги.

– Спокойной ночи, Мэгги. Здесь, в нашем городке, тебе совершенно нечего бояться. Здесь всегда безопасно. Здесь ты в безопасности. И если это не поможет, уверен, ты можешь лечь на полу в комнате Кельвина. Он не будет возражать.

Он ушел, растрепывая свои и без того взъерошенные волосы.

Мой взгляд упал на ночник в форме ракеты, и мои глаза начали закрываться. Я устала. Я была в безопасности. Меня защищала ракета, подаренная мальчиком, с которым мы только что познакомились.

И если раньше я не была в этом уверена, теперь я знала.

Папа был прав.

– Навсегда, – прошептала я себе, все глубже погружаясь в сон. – В этот раз – навсегда.

Часть 1

Глава 1

Мэгги

25 июля 2008 года – десять лет

Записка мальчику, который в меня влюблен

От: Мэгги Мэй Райли

Дорогой Брукс Тайлер.

Не так давно я очень долго расстраивалась из-за того, что ты обозвал меня и толкнул в лужу. Ты испортил мое любимое платье и розово-желтые сандалики. Я так рассердилась рассердилась на тебя потому, что ты толкнул меня.

Твой брат Джейми сказал мне, что ты плохо ко мне относишься, потому что любишь меня. Ты

обзываешься, потому что так делают мальчики, когда они влюблены. Ты толкнул меня только потому, что хотел быть ближе ко мне. Мне кажется, что это глупо. Но моя мама говорит, что все мужчины глупые, так что ты не виноват. Это заложено в твоей ДНК.

Так что я принимаю твою любовь, Брукс. Я позволяю тебе любить меня отныне и во веки веков.

Я начала планировать нашу свадьбу.

Она состоится через несколько дней, в лесу, куда вы, мальчики, постоянно ходите на рыбалку. Я всегда хотела пожениться у воды, как мои мама и папа.

Тебе стоит надеть галстук. Но не тот уродливый цвета грязи, в котором ты ходил в церковь в прошлое воскресенье. И воспользуйся одеколоном своего отца. Я знаю, что ты мальчик, но ты не должен пахнуть как мальчики. Я люблю тебя, Брукс Тайлер Гриффин.

Отныне и во веки веков.

Твоя будущая жена,

Мэгги Мэй

P.S. Я принимаю твои извинения, которые ты мне так и не принес. Джейми сказал, что ты сожалеешь, так что не беспокойся, что я злюсь.

Записка девочке, которая спятила

От: Брукса Тайлера Гриффина

Мэгги Мэй.

Ты. Мне. Не. Нравиться! Исчезни отныне и во веки веков.

*Твой НЕ будущий муж,
Брукс Тайлер*

Записка забавному мальчику

От: Мэгги Мэй Райли

Мой Брукс Тайлер.

Какой же ты смешной. Джейми сказал, что ты ответишь именно так.

Что думаешь по поводу свадьбы в фиолетово-розовых тонах? Возможно, нам стоит съехаться, но я еще слишком молода, чтобы брать ипотеку. Может быть, мы сможем жить в доме твоих родителей, пока ты не найдешь ~~настоящую~~ постоянную работу, чтобы содержать меня и наших питомцев.

У нас будет собака по кличке Скиппи³ и кот по кличке Джем.

Твоя Мэгги Мэй

Записка девочке, которая совсем спятила

От: Брукса Тайлера Гриффина

³ «Скиппи» (Skippy) – марка арахисового масла.

Мэгги.

*Мы не поженимся. У нас не будет домашних питомцев. Мы даже не друзья. Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ, МЭГГИ МЭЙ! Если бы твой брат не был моим лучшим другом, я бы **ВООБЩЕ** с тобой не разговаривал! Я считаю, что ты спятила.*

Скиппи и Джем? Это глупо. Я глупее вещей в жизни не слышал. Кроме того, всем известно, что лучшее арахисовое масло – Jif.

НЕ ТВОЙ,

Брукс

Записка мальчику, у которого плохой вкус

От: Мэгги Мэй Райли

Брукс Тайлер.

Мама говорит, что залог хороших отношений – это одинаковые одинаковые одинаковые одни и те же взгляды и уважение к тем, что не совпадают.

Мне нравится, что мы вдвоем любим арахисовое масло, и я уважаю твое мнение о Jif.

И мне неважно, что ты не прав.

Навеки твоя,

Мэгги Мэй

P.S. Ты нашел галстук?

Записка девочке, которая СОВСЕМ спятила

От: Брукса Тайлера Гриффина

Мэгги Мэй.

Мне не нужен галстук, потому что мы не поженимся. И это слово пишется «одинаковые», идиотка.

Брукс

Записка мальчику, который довел меня до слез

От: Мэгги Мэй Райли

Брукс.

Это было грубо.

Мэгги

Записка девочке, которая СОВСЕМ спятила, но которая никогда не должна плакать

От: Брукса Тайлера Гриффина

Мэгги Мэй.

*Прости меня. Иногда я веду себя как полный кретин.
Брукс*

Записка мальчику, который заставил меня улыбаться

От: Мэгги Мэй Райли

Брукс Тайлер Гриффин.

Я прощаю тебя.

*Если хочешь, можешь надеть галстук цвета грязи.
Неважно, как плохо ты будешь одет, я все равно очень
хочу стать твоей женой.*

*Встретимся на следующих выходных в пять часов
между двумя узловатыми деревьями.*

Твоя отныне и во веки веков,

Мэгги Мэй Райли

Глава 2

Брукс

Я ненавижу Мэгги Мэй.

Жаль, что нет более подходящего слова, чтобы описать мои чувства к назойливой крикливой девчонке, которая последнее время ходит за мной по пятам. Но когда она стояла рядом со мной, единственным, о чем я был способен думать, была ненависть. Не нужно мне было приносить ей тот ночник тогда, много лет назад. Нужно было просто притвориться, что ее не существует.

– Почему она идет? – застонал я, укладывая в ящик для снастей леску, поплавки, грузила и крючки. Последние два года я ездил на рыбалку с папой и старшим братом Джейми, Кельвином и его новым папой, Эриком – или, как я его называл, мистером Райли. Мы ходили к Харпер-крик, небольшому заливу в пятнадцати минутах ходьбы, и рыбачили на лодке мистера Райли, смеясь и обмениваясь шутками. Озеро было настолько огромным, что его противоположный берег, на котором располагались городские магазины, едва угадывался. Мы с Кельвином часто пытались разглядеть здания типа библиотеки, продуктового магазина и торгового центра. А потом мы старались наловить рыбы. Это был мужской день.

Мы ели слишком много фастфуда и не парились, если определенные звуки просились наружу. Это была наша традиция, и сейчас все шло псу под хвост из-за глупой десятилетней девчонки, которая не умолкая распевала песни и без конца кружилась и танцевала. Мэгги Мэй была воплощением навязчивости. Это тоже было правдой. Я как-то раз посмотрел ее имя в словаре, и определение было таким: «Навязчивая сводная сестра Кельвина».

Да, я сам его добавил, и мама накричала на меня за то, что я пишу в книге, но все равно это правда.

– Мама с папой сказали, что она должна пойти, – объяснил Кельвин, поднимая удочку. – Маме нужно свозить Шерил к врачу, так что ближайшие несколько часов за ней некому будет присматривать.

– А нельзя просто запереть ее в доме? Твои родители могли бы оставить ей сэндвич с арахисовым маслом и джемом, сок или что-нибудь в этом роде.

Кельвин ухмыльнулся.

– Как бы мне этого хотелось. Это так глупо.

– Она такая глупая! – воскликнул я. – Она вбила себе в голову, что выйдет за меня замуж в лесу. Она спятила.

Джейми ухмыльнулся.

– Ты говоришь так только потому, что тайно влюблен в нее.

– Нет! – крикнул я. – Это отвратительно. Меня тошнит от Мэгги Мэй. Да от одной мысли о ней потом снятся кошмары.

– Ты так говоришь, потому что любишь ее, – издевался Джейми.

– Заткнись, придурок, пока я сам тебя не заткнул. Она сказала, что это ты болтаешь, что она мне нравится! Это из-за тебя она думает, что мы поженимся.

Он засмеялся.

– Да, я знаю.

– Зачем тебе это?

Джейми стукнул меня в плечо.

– Потому что я твой старший брат, а старшие братья должны портить жизнь младшим. Так написано в братском договоре.

– Я его не подписывал.

– Ты был несовершеннолетним, так что мама подписала его за тебя.

Я закатил глаза.

– Да неважно. Мэгги сегодня все испортит, я в этом уверен. Она всегда все портит. Кроме того, она даже не умеет ловить рыбу!

– Нет, умею! – твякнула Мэгги, выскакивая из дома в платье и желтых сандалиях. В руках у нее была ярко-розовая удочка.

«Фу! Кто ходит на рыбалку в платье и с ярко-розовой удочкой?»

Она запустила пальцы в свои густые светлые волосы и раздула свои огромные ноздри.

– Спорим, я поймаю больше рыбы, чем когда-либо ловили Кельвин и Брукс? Но не ты, Джейми. Уверена, ты хорошо ловишь рыбу. – Она одарила его улыбкой, от которой меня чуть не стошнило. У нее самая ужасная улыбка на свете.

Джейми ухмыльнулся ей в ответ.

– Уверен, ты тоже не так уж плоха, Мэгги.

«Нажмите клавишу, чтобы закатить глаза».

Джейми всегда так делал – он был очень мил с Мэгги, потому что знал, что это меня раздражает. Я знал, что она ему совсем не нравится, потому что она была абсолютно необаятельной.

– Мальчики, вы будете сидеть здесь весь день, или мы пойдем к речке? – спросил мистер Райли, выходя из дома с ящиком для снастей и удочкой в руках. – Пошевелитесь.

Мы пошли по дороге – ну, мужчины пошли. Мэгги прыгала, кружилась и распевала просто невероятное количество попсы. Клянусь, если я еще раз увижу, как она танцует макарену⁴, я с ума сойду. Как только мы добрались до леса, я представил, как мы, мужчины, забираемся в лодку мистера Райли, и как-то получается, что Мэгги остается на берегу.

Как это было бы прекрасно.

– Нам нужна наживка, – сказал мистер Райли, вытаскивая небольшую лопату и металлическое ведро. – Чья сейчас очередь?

⁴ *Макарена* – легкий испанский танец, один из самых известных танцев в мире. Танец появился благодаря одноименной песни испанского дуэта Los del Rio.

– Брукса, – сказал Кельвин, показывая на меня пальцем. Каждый раз, когда мы отправлялись на рыбалку, кому-то одному поручали пойти в лес и накопать дождевых червей для наживки. Я молча схватил ведро и лопату. На самом деле мне очень нравилось добывать червей для рыбалки.

– Мне кажется, Мэгги лучше пойти с ним. – Джейми ухмыльнулся и подмигнул Мэгги. Ее лицо озарилось надеждой, а я лишь ценой огромных усилий сдержался и не ударил брата по голове.

– Нет, спасибо. Я и сам справлюсь.

– Но я могу пойти. – Мэгги тут же расплылась в улыбке от уха до уха.

«Какая у нее уродливая улыбка!»

– Папа, можно мне пойти с Бруксом?

Мой взгляд метнулся к мистеру Райли, и я понял, что обречен. Мистер Райли был серьезно поражен СД – синдромом дочери. На моей памяти он еще никогда ни в чем не отказывал Мэгги, и вряд ли он планирует начать делать это сегодня.

– Конечно, дорогая. Веселитесь, – улыбнулся он. – Мы подготовим лодку, и как только вы вернетесь, выйдем на воду.

Прежде чем мы пошли в лес, я больно стукнул Джейми кулаком по руке. Он ударил меня еще сильнее. Мэгги засмеялась. Когда мы с ней направились в сторону леса, я вытащил MP3-плеер и надел наушники. В надежде оторваться от нее, ускорил шаг, но она на удивление быстро прыгала и без-

заботно кружилась.

– Ну что, ты уже нашел галстук? – спросила она.

Я закатил глаза. Она говорила так громко, что перекрикивала даже музыку в наушниках.

– Я не женюсь на тебе.

Она хихикнула.

– Мы поженимся через два дня, Брукс. Какой же ты дурачок. Полагаю, твоим шафером будет Кельвин? Или Джейми? Моей подружкой невесты будет Шерил. Эй, а можно, я послушаю твою музыку? Кельвин сказал, что ты слушаешь лучшую музыку на свете, а если мы собираемся пожениться, я должна знать, что ты слушаешь.

– Мы не поженимся. Попробуй хоть пальцем прикоснуться к моему плееру.

Она хихикнула, как будто это была смешная шутка. Как будто я пошутил.

Я начал искать червей во влажной земле, а она раскачивалась на ветках дерева.

– Ты сможешь мне копать или как?

– Гадость какая. И не подумаю.

– Зачем тогда ты вообще пошла?

– Чтобы закончить планировать свадьбу, разумеется. Кроме того, тут неподалеку есть один коттедж, я хотела на него посмотреть. Если хочешь, мы можем там жить. Нужно привести его в порядок для нас, Скиппи и Джема. Там все равно никто не живет. И он достаточно большой для нашей семьи.

У этой девочки совсем крыша поехала.

Пока я копал, она продолжала болтать. Чем быстрее я копал, тем быстрее она говорила о девчачьем дерьме, которое меня не волновало: обувь, макияж, первый танец, свадебные торты, украшения. Она даже говорила, что в заброшенном коттедже можно устроить свадебный банкет. Казалось, этому списку не будет конца. Я уже подумывал бросить ведро и лопату и убежать как можно быстрее: было совершенно очевидно, что Мэгги делает все, чтобы меня довести. Когда она придумала имя нашему первенцу, я понял, что все зашло слишком далеко.

– Слушай! – прокричал я, опрокинув ведро с выкопанными мной червями. Они извивались, пытаясь забраться обратно в грязь, но мне было все равно. Я выпятил грудь и зашаркал в ее сторону. Мои кулаки взметнулись в воздух, и я закричал прямо ей в лицо: – Мы не поженимся! Ни сегодня, ни завтра, никогда! Ты мне отвратительна. Я был вежлив в последней записке, потому что Джейми сказал, что если я буду писать тебе гадости, он скажет родителям, и у меня будут неприятности. Ясно тебе? Просто заткнись, перестань уже говорить про свадьбу.

Наши лица разделяло всего несколько сантиметров. Она стояла, сцепив руки за спиной, и я видел, как дрожит ее нижняя губа. Мэгги прищурилась, изучая меня, словно пытаясь расшифровать ясные, как день, слова, которые я только что произнес. Секунду она хмурилась, но потом на ее лице снова

появилась эта уродливая улыбка. Прежде чем я успел закатить глаза, она наклонилась ко мне, схватила обеими руками за щеки и притянула ближе к себе.

– Что ты делаешь? – спросил я. Ее руки на моих щеках мешали мне говорить четко.

– Я собираюсь поцеловать тебя, Брукс, потому что нам нужно отрепетировать наш первый поцелуй, прежде чем целоваться перед нашей семьей и друзьями.

– Нет, мы совершенно точно не будем целовать... – я замолчал, и мое сердце заколотилось. Мэгги прижалась своими губами к моим и притянула меня ближе к себе. Не задумываясь, я отпрянул от нее. Я хотел что-то сказать, но говорить было трудно, поэтому я просто смотрел, чувствуя себя очень неловко.

– Мы должны попробовать еще раз, – сказала она, кивнув себе.

– Нет! Не надо це... – Она снова поцеловала меня. Я почувствовал, как в моем теле поднимается волна... гнева? Или замешательства? Нет. Гнева. Определенно гнева.

«Или...»

– Да перестанешь ты или нет? – заорал я, снова вырываясь и отступая назад. – Нельзя целовать людей, которые этого не хотят!

Она покраснела, а взгляд ее стал тяжелым.

– Ты не хочешь со мной целоваться?

– Нет! Не хочу. Я не хочу иметь с тобой ничего общего,

Мэгги Мэй Райли! Я больше не хочу быть твоим соседом. Я не хочу быть твоим другом. Я не хочу жениться на тебе и уж точно не хочу целовать... – я снова не смог договорить, но на этот раз в этом был виноват я сам. Почему-то во время моей тирады я подходил все ближе и ближе к ней, и мои губы украли ее следующий вдох. Я положил руки ей на щеки и стиснул их, крепко целуя ее целых десять секунд. Я считал каждую секунду. Когда мы отстранились, то замерли вместе.

– Ты поцеловал меня, – прошептала она.

– Не нужно было этого делать, – прошептал я.

– Потому что это хорошо?

– Потому что это плохо.

– А.

– Ага.

– Брукс?

– Мэгги?

– Может быть, поцелуемся еще раз, потому что это плохо?

Я поковырял траву кончиком ботинка и потер затылок.

– Это не значит, что я женюсь на тебе.

– Ладно.

Я поднял бровь.

– Я серьезно. Только десять секунд – и все. Мы больше никогда не будем целоваться. Никогда.

– Хорошо, – кивнула она.

Я подошел ближе, и мы оба сжали щеки друг друга. Когда мы поцеловались, я закрыл глаза и сосчитал до десяти.

Я считал медленно, так же медленно, как двигались черви.

1...

1,3...

1,5...

2...

– Брукс? – пробормотала она мне в рот, и я открыл глаза, обнаружив, что Мэгги смотрит на меня.

– Да? – спросил я. Мы все еще сжимали щеки друг друга.

– Мы уже можем перестать целоваться. Я сосчитала до десяти уже пять раз.

Смутившись, я сделал шаг назад.

– Плевать. Нам все равно уже пора возвращаться к лодке.

Я быстро попытался снова собрать червей, но у меня ничего не вышло. Краем глаза я видел, что Мэгги кружится в своем платье и напевает что-то себе под нос.

– Эй, Брукс. Я говорила, что ты можешь надеть на свадьбу галстук цвета грязи, но мне кажется, что тебе больше пойдет зеленый. Принеси его завтра на репетицию. Встретимся здесь в семь часов. – Она скривила губы, а я все пытался понять, что же в ней изменилось.

Ее улыбка стала гораздо красивее.

Когда она пошла прочь, я быстро вскочил на ноги, снова опрокинув ведро с червями.

– Эй, Мэгги?

Она резко развернулась на каблуках.

– Да?

– Может быть, попробуем поцеловаться еще раз?

Она вспыхнула и улыбнулась. Это было красиво.

– Как долго?

– Не знаю... – Я засунул руки в карманы и пожал плечами, разглядывая траву. На моем шнурке извивался червяк. –
Может быть, еще десять секунд.

Глава 3

Мэгги

Я люблю Брукса Тайлера.

Жаль, что нет более подходящего слова, чтобы описать мои чувства к красивому грубому мальчику, который недавно поцеловал меня. Но когда он стоял рядом со мной, единственным, о чем я была способна думать, была любовь.

Я лежала на кровати и без конца вспоминала наш последний десятисекундный поцелуй, и Шерил громко сказала:

– Да ты издеваешься!

Даже не знаю, что воет громче: ветер снаружи или Шерил.

– Я не знаю, как быть подружкой невесты! – заскулила Шерил, плюхаясь на кровать рядом со мной. Ее рыжие кудряшки подскакивали вверх и вниз, когда она прыгала на моей кровати. С тех пор как я переехала, Шерил была моей лучшей подругой, будучи моей сводной сестрой. Поэтому она должна быть моей подружкой невесты.

– На самом деле тебе ничего не нужно делать, кроме того, что не захочу делать я. А когда я буду нервничать из-за подготовки к свадьбе, я буду кричать на тебя без остановки. О, и ты понесешь шлейф, когда я буду идти к алтарю.

– Почему это я буду нести твой шлейф?

Я пожала плечами:

– Не знаю. На свадьбе моей тети ее подружка невесты несла ее шлейф, так что, думаю, это просто часть церемонии.

В своей спальне я схематично изобразила всю свадебную церемонию с помощью кукол Барби, мягких игрушек и My Little Pony. Кен стоял на месте жениха, заменяя Брукса, а Барби заменяла меня.

– Как ты вообще завела себе парня? – спросила Шерил, продолжая прыгать на кровати.

– *Жениха*, – поправила ее я. – И на самом деле это довольно просто. Уверена, что и у тебя получится. Просто накручивай волосы на палец и напиши ему записку, в которой сообщи, что он женится на тебе.

– Серьезно? – голос Шерил стал выше. – И все?

Я кивнула:

– И все.

– Ух ты! – Она вздохнула. Казалось, она была немного удивлена. Хотя я не понимала почему. Мальчиков довольно легко достать. Мама говорила, что от них сложнее избавиться. – Откуда ты все это знаешь?

– Мама сказала.

Она надула губки.

– А почему мне не сказала? Я тоже ее дочь. Плюс сначала она была *моей* мамой.

– Наверное, ты еще слишком маленькая. Возможно, она скажет тебе в следующем году.

– Я не хочу ждать год. – Шерил перестала подпрыгивать и начала накручивать волосы на палец. – Мне нужна ручка и бумага. Или... ты уверена, что Брукс не захочет жениться и на мне тоже?

Я уперла руки в бока и строго подняла бровь:

– И что это еще такое?

Она продолжила накручивать волосы.

– Да я просто сказала. Я видела, что он много мне улыбается.

О. Господи.

Моя сестра – шлюха. Мама запретила мне произносить это слово, но однажды я услышала, как она называет так свою сестру за то, что она увивается за женатым мужчиной. Тете Мэри это не понравилось. А Шерил в какой-то степени пыталась сделать то же самое.

– Он дружелюбный. И всем улыбается. Один раз я видела, как он улыбнулся белке.

– Ты сравниваешь, как он улыбается мне и белкам? – спросила она, снова повышая голос. На секунду я задумалась. У Шерил с белками было что-то общее. Например, белки не очень умные, а Шерил так и вовсе дурочка, если могла хоть на секунду допустить мысль, что Брукс выберет ее, а не меня.

Шерил встала и фыркнула, продолжая накручивать волосы на палец.

– Ты слишком долго думаешь! погоди, я расскажу маме,

что ты сказала! Я смогу завоевать любого парня, Мэгги Мэй, и ты меня в этом не переубедишь!

– Мне плевать. Просто у тебя не получится отбить моего жениха.

– Получится!

– Не получится!

– Получится!

– Заткнись и перестань накручивать свои дурацкие волосы! – закричала я.

Она ахнула, захныкала, заревела и бросилась прочь.

– Я не приду на твою свадьбу!

– Тебя никто и не звал! – крикнула я ей в ответ.

Всего несколько минут спустя ко мне в комнату вошла мама.

– Опять ссоритесь, да? – спросила она, прищурившись.

Я пожалала плечами.

– Просто она снова драматизирует.

– Для лучших подруг вы как-то слишком часто ссоритесь.

– Ну да, девочки вроде так и живут.

Она улыбнулась и полностью со мной согласилась.

– Просто не забывай, что Шерил младше тебя, Мэгги, и ей это дается не так просто, как тебе. Она необщительная и немного необычная, не совсем вписывается в общую картину. Ты ее единственный настоящий друг и сестра. Она твоя семья, а что делают члены семьи?

– Заботятся друг о друге?

Мама кивнула и поцеловала меня в лоб.

– Точно. Мы заботимся друг о друге, даже в трудные времена.

Мама всегда говорила мне это, когда мы с Шерил ссорились. «Члены семьи всегда заботятся друг о друге». Особенно в трудные времена, когда тяжело даже смотреть друг на друга.

Я вспомнила, как она сказала это в первый раз. Они с папой усадили Кельвина, Шерил и меня в гостиной и сказали нам, что если мы хотим, мы можем называть их мамой и папой. Это был вечер их свадьбы, и мы официально стали семьей. Когда мы сидели там, мама и папа заставили нас всех вместе сложить руки и дать обещание всегда заботиться друг о друге.

«Потому что так делают члены семьи».

– Я извинюсь перед ней, – прошептала я сама себе. В конце концов, она моя лучшая подруга.

Остаток дня я провела, планируя свадьбу. Я мечтала о свадьбе с семи лет – то есть очень, очень долго. Интересно, какую Брукс любит музыку? Поскольку он не разрешал мне слушать свою музыку, я должна была догадываться сама. Каждый вечер они с Кельвином возились с папиными гитарами и говорили, что когда-нибудь станут знаменитыми музыкантами. Поначалу я не очень-то им верила, но они занимались музыкой каждый вечер, и чем больше они репетировали, тем лучше играли. Может быть, они сыграют на сва-

дьбе. Кроме того, возможно, я буду идти к алтарю под его любимую песню. С другой стороны, на прошлой неделе они с моим братом пели «Sexy Back» Джастина Тимберлейка. Мне кажется, эта песня не очень подходит для свадьбы.

«Может быть, мы будем танцевать под нее наш первый танец».

Каждый вечер, когда мама с папой укладывали нас спать, я слышала, как внизу, в гостиной, играет музыка. Каждый раз это была одна и та же песня. «You Send Me» Сэма Кука – под эту песню они танцевали свой первый танец. Я на цыпочках вышла из комнаты, подошла к лестнице и посмотрела вниз. Свет в комнате был приглушен. Папа взял маму за руку и сказал ей:

– Потанцуй со мной?

Этот вопрос он задавал ей каждый вечер, и они начинали танцевать. Папа кружил маму, и они хихикали, как дети. Мама держала в руке бокал вина, и когда папа закружил ее, вино выплеснулось из бокала на белый ковер. Глядя на беспорядок, они засмеялись еще громче и обнялись еще крепче.

че. Мама положила голову папе на грудь, он что-то шептал ей на ухо, они так медленно кружились в танце.

Вот что такое для меня настоящая любовь.

Настоящая любовь – это когда ты смеешься над ошибками.

Настоящая любовь – это когда ты шепотом рассказываешь секреты.

Настоящая любовь – это когда тебе никогда не приходится танцевать в одиночестве.

Я проснулась готовая к предстоящему дню.

– Сегодня репетиция моей свадьбы! – прокричала я, раскинув руки и подпрыгнув на кровати. – Репетиция! Сегодня репетиция моей свадьбы!

Заспанный Кельвин ввалился в мою спальню, потирая глаза.

– Господи, Мэгги, заткнись, пожалуйста! Сейчас три часа ночи, – проворчал он, зевая.

Я ухмыльнулась:

– Это неважно, Кельвин, потому что сегодня репетиция

моей свадьбы!

Он еще немного поворчал и обозвал меня, но мне было все равно.

Папа ввалился в мою комнату почти так же, как мой брат, протирая глаза и зевая. Он подошел к моей кровати, и я обвила руками его шею, заставляя его поднять меня.

– Папочка, угадай что? Угадай? – Я радостно взвизгнула.

– Дай угадаю, сегодня репетиция твоей свадьбы?

Я быстро кивнула и рассмеялась, когда он устало закрыл меня по кругу.

– Как ты узнал?

Он ухмыльнулся:

– Догадался.

– Можешь сделать так, чтобы она перестала кричать? Я хочу спать, – простонал Кельвин. – Это даже не настоящая свадьба!

Я ахнула и хотела было отругать его за ложь, но папа остановил меня, прошептав:

– Кое-кто вообще не жаворонок. Давай мы все несколько часов поспим, а потом я сделаю тебе предсвадебный завтрак?

– Вафли с клубникой и взбитыми сливками?

– И посыпкой! – улыбнулся он.

Кельвин потащил свою сварливую задницу обратно в свою комнату, а папа уложил меня в кровать, потершись своим носом о мой.

– Постарайся поспать еще несколько часов, хорошо, дорогая? У тебя сегодня важный день. – Он укрыл меня одеялом, как делал это каждый вечер.

– Хорошо.

– И, Мэгги Мэй?

– Да?

– Земля вертится, потому что твое сердце бьется, – эти слова он говорил мне каждый день, сколько я себя помню.

Он выключил свет и вышел из комнаты, а я лежала в кровати, разглядывая светящиеся в темноте наклейки на потолке в форме звезд. Я широко улыбалась и прижимала руки к груди. Я чувствовала каждый удар своего сердца, благодаря которому вращалась Земля.

Я знала, что мне нужно поспать, но я не могла заснуть, ведь сегодня канун моей свадьбы, а я вот-вот выйду замуж за мальчика, который еще этого не знал, но который будет моим лучшим другом, когда мы будем отмечать наш десятилетний юбилей.

Может быть, за эти десять лет он поймет, что действительно хочет быть моим мужем.

И конечно, мы будем жить долго и счастливо.

Когда наступило утро, я встала раньше всех, спустилась вниз и ждала мои вафли. Папа и мама еще спали, когда я прокралась в их спальню.

– Эй, вы спите? – прошептала я. Тишина. Ткнув папу в щеку, я повторила: – Папа, ты спишь?

– Мэгги Мэй, еще рано, – пробормотал он.

– Но ты же обещал сделать вафли! – заскулила я.

– Утром.

– Уже утро, – простонала я и подошла к окнам, раздвигая шторы. – Видишь? Солнце уже встало.

– Солнце – лжец, потому Господь и создал занавески, – зевнула мама, поворачиваясь на бок. Она открыла глаза и посмотрела на часы на прикроватной тумбочке. – Пять тридцать утра в субботу – это не утро, Мэгги Мэй. Иди в кровать, мы тебя разбудим.

Они разбудили меня только в восемь утра, но, как ни странно, я уже не спала. День тянулся медленнее, чем мне хотелось, и родители заставили меня поехать на танцевальное выступление Шерил. Концерт длился дольше, чем следовало, но как только мы вернулись домой, я была готова отправиться к Бруксу.

Мама сказала, что мне можно поиграть на улице только вместе с Шерил, но даже после того, как я извинилась перед ней, она не хотела стать моей подружкой невесты. Поэтому на встречу с Бруксом в лесу мне пришлось улизнуть одной. Я поскакала по улицам района, разглядывая идеально подстриженные газоны и идеально посаженные цветы. Округ Харпер – небольшой городок, здесь все друг друга знают, так что совсем скоро маме позвонят и скажут, что такой-то видел, как я одна скачу по улице. Поэтому я должна действовать быстро.

Только не слишком быстро. На углу улицы мне всегда приходилось останавливаться, смотреть влево и вправо и только потом переходить через дорогу, к дому миссис Бун. Лужайка миссис Бун разительно отличалась от всех остальных: она вся была беспорядочно усыпана цветами. Желтые розы, лаванда, маки – какой цветок ни назови, скорее всего, он рос во дворе миссис Бун.

В гости к старушке никто никогда не заглядывал. Все говорили, что она грубая, сварливая и замкнутая. Чаще всего она в одиночестве сидела на крыльце, качалась на кресле-качалке и бормотала что-то себе под нос, пока ее кошка по кличке Булка каталась по траве во дворе.

Больше всего мне нравилось, когда миссис Бун уходила в дом, чтобы заварить себе чай. Она пила больше чая, чем все мои знакомые. Однажды мы с Шерил наблюдали за ней с другой стороны улицы и были потрясены тем, сколько раз миссис Бун вставала с кресла-качалки и возвращалась обратно с чашкой чая в руках.

Каждый раз, когда она исчезала в доме, я пробиралась в ее двор, огражденный белым забором. Я нюхала как можно больше цветов и каталась по высокой траве вместе с кошкой.

Тем вечером я поспешила к ней во двор, потому что времени до встречи с Бруксом оставалось совсем немного.

– Эй! Дочка Эрика! Брысь с моего газона! – прошипела миссис Бун, распахнув обитую москитной сеткой дверь. В руках у нее была чашка чая. Я сто раз говорила ей, как меня

зовут, но она отказывалась называть меня по имени.

– Мэгги, – сказала я, поднимаясь с мурлыкающей Булкой в руках. – Меня зовут Мэгги, миссис Бун. *Мэгги*, – в третий раз я произнесла свое имя громко и медленно, чтобы она точно правильно расслышала.

– О, я знаю, кто ты, маленькая поганка! Оставь в покое мои цветы и мою кошку!

Я не обратила на нее внимания.

– Но, миссис Б., у вас во дворе растут самые красивые цветы на свете. Вы это знали? И меня зовут Мэгги, я напоминаю просто на всякий случай. Если хотите, можете называть меня Мэгги Мэй. Так меня зовут многие в семье. Кстати, о семье и цветах, я хотела у вас спросить... Как вы думаете, могу ли я одолжить ваши цветы на мою свадьбу? Она состоится завтра.

– Свадьба? – фыркнула она, прищурившись. Она была слишком ярко накрашена. Мама всегда говорила, что чем меньше макияжа, тем лучше. Миссис Бун явно так не считала. – А не слишком ли ты юна, чтобы выходить замуж?

– Любви все возрасты покорны, миссис Б. – Я потянулась за маком, сорвала его и засунула себе за ухо, когда Булка выпрыгнула из моих рук.

– Сорвешь еще один – и больше ничего не сможешь сорвать, – предупредила она, сердито нахмурившись.

– Я даже занесу вам за них немного мороженого, миссис Б.! Я могу собрать их сейчас, и вам не придется волновать-

ся...

– Кыш отсюда! – крикнула она, и от ее голоса у меня по спине побежали мурашки. Я выпрямилась, широко распахнув глаза от ужаса, и отступила назад.

– Хорошо. Но если вы передумаете, завтра я тоже буду проходить мимо, прямо перед свадьбой. Вы тоже можете прийти, если хотите. Завтра в пять часов вечера, в лесу, между двумя узловатыми деревьями. Мама испечет торт, а папа сделает пунш. И Булку можете принести! Пока, миссис Б.! Увидимся завтра!

Она проворчала что-то еще, и я поспешно ушла с ее двора, сорвав по дороге две желтые розы. Я поскакала дальше и помахала сердитой старушке на прощание. Может быть, на самом деле она не была сердитой и ей просто нравилось оправдывать слухи, которые распускали ее соседи.

Чем ближе я подходила к искривленным деревьям, тем сильнее колотилось мое сердце. Каждый вдох наполнялся все бóльшим и большим нетерпением, все большим и большим трепетом. Каждый шаг приближал меня к Бруксу.

«Это не сон».

Наконец-то моя мечта сбывается. У меня будет то же, что было у мамы и папы. Я буду принадлежать ему, и он будет принадлежать мне.

«В этот раз – навсегда».

Он опаздывает.

Я знала, что у него дома есть часы, и знала, что он умеет понимать время, но все же Брукс опаздывает.

Как мы будем жить долго и счастливо, если он не придет вовремя?

Я посмотрела на свои ярко-розовые часы, и внутри у меня все сжалось.

19:16.

Он опаздывает. Я сказала ему прийти в семь, а он опаздывает на шестнадцать минут. Где же он? Он решил не приходить?

«Нет, он бы так не поступил».

Разве он не любит меня так же, как я люблю его?

«Нет, любит».

Мое сердце болело, когда я искала в лесу глупого мальчика с красивыми глазами.

– Он просто пришел не к тем двум узловатым деревьям, – убеждала я себя, прислушиваясь к шелесту листьев под ногами. – Он придет, – уговаривала я себя, наблюдая, как небо становится все темнее и темнее.

Мне не разрешали выходить на улицу, когда включались уличные фонари, но я знала, что все будет в порядке, ведь завтра я выхожу замуж. И, когда стемнеет, я буду не одна: ко мне придет Брукс.

19:32.

Откуда я пришла? И куда делись два узловатых дерева? Я топала по лесу, и мое сердце заколотилось быстрее, а ладони вспотели.

– Брукс, – крикнула я.

Мне было страшно, я заблудилась. Но он найдет меня.

«Он придет».

Я пошла дальше. Неужели я захожу все дальше в лес? Дальше от узловатых деревьев? Откуда мне знать? Я потерялась. Где же узловатые деревья?

19:59.

Вода.

Я найду место, где мальчики ловили рыбу. Может быть, Брукс будет там. Но в какой стороне была вода? Я побежала. Я бежала и бежала, надеясь увидеть раскачивающуюся водную гладь. Так я вспомню, где я, пойму, как добраться домой и как найти Брукса. Может быть, он тоже заблудился. Может быть, он один, ему страшно, он вспотел. Может быть, он тоже ищет меня. Я должна найти его, потому что когда он будет рядом со мной, со мной все будет в порядке.

20:13.

Вода.

Я нашла ее.

Я нашла рябь, камни и звуки спокойствия.

Я нашла воду и нашла его.

– Джулия, пожалуйста, не уходи. Послушай меня.

Брукс?

Нет.

Не Брукс.

Это кто-то другой. И он не один. Мужчина, и с ним кто-то еще.

Женщина. Она все время говорила ему «нет». Она говорила, что больше не может быть с ним, и ему это не нравилось.

– Мы с тобой нужны друг другу, Джулия. У нас семья.

– Да послушай ты наконец! Я больше не хочу быть с тобой.

– Это из-за того парня с работы?

Женщина закатила глаза.

– Вот только не начинай. Об этом я и говорю. Об этих твоих вспышках гнева. Я не хочу, чтобы наш сын это видел. Так больше не может продолжаться.

Он запустил пальцы в волосы.

– Ты с ним трахаешься, да? Трахаешься с тем парнем с работы.

Она не успела ему ответить. Он волновался все сильнее и сильнее, его грудь поднималась и опускалась.

Из-за этого человека мне становилось все труднее дышать, становилось все страшнее. Когда я стояла совсем одна

не у тех узловатых деревьев, мне и то было не так страшно. Надо было оставаться там.

Он закричал на нее срывающимся голосом.

– Ты вонючая шлюха! – заорал он, сильно ударив ее по лицу. Она отшатнулась назад и всхлипнула, прижав руку к щеке. – Я дал тебе все. У нас была хорошая жизнь. Я только что унаследовал бизнес. Мы поднимались на ноги. А как же наш сын? Как же наша семья? – Он бил ее – снова и снова давал ей пощечины. – У нас все было хорошо! – Он толкнул ее на землю и выпучил глаза как сумасшедший.

Мне сдавило горло. Я смотрела, как этот злой, как надвигающаяся буря, мужчина схватил женщину за шею.

– Ты не можешь бросить меня. – Он почти умолял ее. Потом он задохнулся и начал трясти ее. Он почти умолял, как вдруг задохнулся и стал трясти ее. Она кричала, хватаясь за его руки. Он тряс ее. Она кричала, хватая ртом воздух. Он тряс ее. Она кричала, и я чувствовала его руки.

Мне казалось, что я чувствую его руки на моей шее. Что он душит меня. Что он трясет меня. Что он давит на меня.

Я обхватила пальцами свою шею и умоляла дать мне дышать. Если мне кажется, что я не могу дышать, то той женщине точно было еще больнее.

А потом злой человек потащил ее тело к воде.

И тогда я поняла, кто он.

Он дьявол.

Дьявол подтащил тело женщины к озеру и засунул ее го-

лову под воду.

И я перестала дышать.

Он утопил ее.

Он утопил ее.

Дьявол утопил женщину на берегу Харпер-крик.

Ее не спасти, я это знаю. Она вырывалась, а дьявол продолжал держать ее голову под водой. Дьявол все топил ее на берегу озера, не вытаскивал ее голову из воды.

Сначала женщина сопротивлялась. Она царапалась изо всех сил, стараясь навредить дьяволу. Тело женщины прижималось к нему каждый раз, когда дьявол вытаскивал голову женщины из-под воды, она открывала и закрывала рот, вдыхая и выдыхая воздух, захлебываясь водой, пытаясь дышать. Дьявол с громким плеском погрузил ее еще глубже в воду. Вода доходила дьяволу до шеи, и я больше не видела женщину.

– Не покидай меня, – умолял он ее. – Не покидай меня, Джулия.

Мне нужно было перестать смотреть.

Но я не могла отвести взгляд.

Она была полностью в воде, и я видела только дьявольскую тьму.

Он вытащил обмякшую женщину обратно на берег, не переставая говорить с ней.

– Как ты могла? Как ты могла так с нами поступить?

Он потянулся к левой руке женщины и снял обручальное кольцо с ее пальца. Он надел его на свой.

Он убил эту женщину.

«Он убил ее».

Я тоже это видела – как он понимает, что сделал, осознает, что натворил. Он начал трести обмякшее тело женщины.

– Джулия, – всхлипывал он. – Джулия, очнись! – Он упал на землю рядом с ней и тряс ее, пытаюсь вернуть обратно, но не мог. Он рыдал над ее телом. – Пожалуйста, вернись.

Я отступила назад, и ветка хрустнула под моей ногой.

Он поднял голову.

Он убил ту женщину, и он смотрел на меня.

«Не смотри на меня».

Мои руки онемели, голова была как в тумане. Я попятилась назад, ломая каждую ветку, на которую натыкались мои шлепанцы. Я ударилась спиной о ствол ближайшего дерева, когда взгляд темных глаз дьявола заплясал по моему телу. В его глазах застыло отрешенное выражение, и он отпустил женщину.

– Эй! – закричал он, глядя на меня. – Эй, что ты дела-

ешь? – Он пошел ко мне.

Он медленно брел в мою сторону, его одежда промокла насквозь.

«Не ходи одна, Мэгги Мэй. Поняла? Не выходи на улицу без своей сестры».

Мамины слова крутились у меня в голове. Он догонял меня, был все ближе, и я завизжала, отворачиваясь. Я побежала так быстро, как только могла, пролетая между деревьями, чувствуя, как сердце колотится у меня в груди.

Его шаги стали громче, но я не смела обернуться. Он гнал-ся за мной.

Он все ближе, ближе, ближе.

«Беги, Мэгги».

Быстрее, быстрее, быстрее.

«Беги!»

Резкий рывок за платье отбросил меня назад, мак полетел из волос на лесную подстилку. Его пальцы обхватили ткань моего платья, и он повалил меня на землю. Мое дыхание стало прерывистым, он навалился на меня всем своим весом, и я закричала. Он закрыл мне рот своими мерзкими руками, заглушая мои крики.

Я брыкалась и кричала, кричала и брыкалась. Он хочет убить меня.

Он убьет меня.

Пожалуйста, не надо.

Слезы текли по моим щекам, пока я боролась.

– Тебя не должно быть здесь, – прошептал он, начиная всхлипывать. – Ты не должна была это видеть. Это была ошибка. Я не хотел...

«Нет!»

Он положил руку мне на шею, он душил меня, мне было все труднее и труднее дышать. Он плакал. Он так плакал. Плакал и извинялся. Он извинялся за то, что причинил мне боль, за то, что сжал пальцами мою шею, от чего мне становилось все труднее и труднее дышать. Он говорил мне, что любит ее, что любовь сделала это с ним, с ней. Он клялся, что никогда не причинил бы ей вреда. Он клялся, что не причинил бы вреда женщине, которую уже убил.

– Ты не должна была быть здесь, но раз ты здесь, – сказал он, наклоняясь ко мне. – Прости. Прости меня. – От него пахло табаком и лакрицей, а на предплечье красовалась большая татуировка в виде двух рук, собранных в молящемся жесте с именем какого-то человека. – Как ты здесь оказалась? – спросил он.

Его рот был в нескольких сантиметрах от моего, и он покачал головой, когда я открыла рот и позвала Брукса, умоляя, чтобы он услышал меня, нашел меня. Он приложил палец к моему рту, потом приложил пальцы и к своим губам и тихо прошептал:

– Тише. – Мои глаза расширились от страха. – Пожалуйста, не кричи. Это был несчастный случай. – Он прижался губами к моему лбу и к моей коже. – Тише, – снова сказал

он. Его губы добрались до мочки моего уха, и я почувствовала, как его губы коснулись меня, прежде чем он прошипел в последний раз. – Тише.

Я пропала.

В то мгновение он украл меня у меня же.

Я чувствовала себя грязной.

Использованной.

Я чувствовала, что попала в ловушку.

– Мэгги Мэй! Где ты? – крикнул Брукс, и его голос вырвал дьявола из оцепенения.

Он оторвался от меня и помчался прочь.

Я с трудом поднялась на ноги и даже не потрудились смахнуть с себя грязь, листья и палки. Я была мокрая. Его одежда промокла насквозь, и я тоже была мокрая. Мне было тяжело, но я побежала. Побежала. Я побежала на голос Брукса так быстро, как только могла. Чем громче становился его голос, тем сильнее билось мое сердце.

– Боже мой, Мэгги! Я пришел с дурацким фиолетовым галстуком, потому что ты так не хотела, чтобы я пришел с галстуком цвета грязи, а потом ты не пришла. Поверить не могу!

Когда мои глаза увидели его спину, он пинал траву и что-то бормотал себе под нос.

«Брукс».

Он повернулся ко мне, и тут же перестала злиться. На смену раздражению пришло сильное волнение. Я побежала

к нему и споткнулась о собственные ноги. Он вытянул руки и поймал меня.

– Постой, Мэгги, что происходит?

Я открыла рот, чтобы заговорить, но могла слышать, только как дьявол шикает на меня, чувствовать, как он прижимает свою кожу к моей коже, свой палец к моим губам. К моему лбу. К мочкам моих ушей. Ко мне.

Он хочет убить меня.

Позади нас послышался шорох, и я подскочила, широко раскрыв глаза, и с силой прижалась к Бруксу, настойчиво требуя защиты.

– Мэгги, все в порядке. Это всего лишь белка. Что тебя так напугало? Что с тобой случилось?

Я не могла произнести ни слова. Я вцепилась в рубашку Брукса и притянула его к себе. Он не задавал никаких вопросов, но крепко обнял меня.

– Все в порядке, Мэгги. С тобой все хорошо.

Я рыдала, уткнувшись в его футболку, а он только крепче обнимал меня.

Глава 4

Мэгги

Я моргнула.

Уже было светло. Медсестра светила фонариком мне в глаза. В нос. В уши. В рот.

Я моргнула.

У папы в глазах стояли слезы, но он не плакал. Он стоял, прислонившись к стене, сжав руку в кулак. Он прижимал кулак к губам и стоял, не проронив ни слова.

Я моргнула.

Мама вскрикнула, когда медсестра сказала про судмедэкспертизу⁵. Я не знала, что это такое, но мама разволновалась.

Я моргнула.

Медсестра взяла у меня кучу анализов. Из моего рта, моих щек, моих бедер, моей...

Я моргнула.

Она провела рукой по моим волосам. На пол полетели запутавшиеся в них листья. Она нашла кровь. Папа едва слышно заплакал.

⁵ Здесь речь идет о сборе анализов, обязательном после заявления об изнасиловании.

Я моргнула.

Она разрезала мое платье и встряхнула его. Оно было грязным. Мое платье было грязным. Я была грязной. С ног до головы. Мой цветок мака пропал. Куда делся мой цветок? Она осмотрела мои ногти. Мой лак весь облупился. Мой маникюр был испорчен. Я была испорчена.

Я моргнула.

Меня повели в машину. Я сжалась в комок. Фонарные столбы горели красными и зелеными огнями. Светились желтые фонари. Перед глазами у меня все еще стояло его лицо.

Я моргнула.

Когда меня привезли домой, Кельвин и Шерил стояли на крыльце. Они ничего не сказали. Я тоже.

Я моргнула.

Мама и папа отвели меня в свою спальню, и я плакала на их простынях. Я дрожала и чувствовала себя грязной, сломанной, использованной. Страшно. Мне было так страшно.

Тише...

Тише...

Получилось ли у медсестры собрать... Получилось ли у нее собрать его вкус с моих губ? Его кожу с моей кожи? Получилось ли?..

Я моргнула.

Я зажмурилась. Я не хотела чувствовать. Я не хотела существовать. Я больше не хотела моргать. Я не открывала

глаз. Я не хотела видеть, но все равно видела. Я видела его.
Я чувствовала его. Я чувствовала его вкус.

Все вокруг стало темнее.

Все вокруг погрузилось в тени.

Все погрузилось в темноту.

Глава 5

Мэгги

Мама ходила по их с папой спальне, заламывая руки. Я сидела на краю их кровати, слушая, как ее высокие каблочки стучат по деревянному полу. Мне казалось, что я сижу не на кровати, а на мягком облаке перьев. Было почти невозможно – не растаять в этой мягкости. А еще я так устала. Плохое сочетание чувств. Я изо всех сил старалась не закрывать глаз, хотя в последнее время мне казалось, что спать – намного лучше, чем бодрствовать. Единственной проблемой было то, что сны иногда становились кошмарами. А в последнее время я просто тонула в кошмарах.

– Ты уже несколько дней молчишь, Мэгги Мэй, – упрекнула меня мама. – Ни слова не сказала. Мы с отцом в ужасе.

Она без конца поправляла свои карамельного цвета волосы, а стоило ей оставить их в покое, как пальцы принимались плясать по предплечьям, впиваясь в кожу накрашенными ногтями. От беспокойства мама не могла усидеть на месте и мерила комнату быстрыми шагами. Жалко, что папа сейчас на работе. Обычно у него получалось успокаивать маму, когда у нее начинались приступы паники.

– Что произошло, Мэгги? – спросила она. – Что ты делала

в том лесу? Мы с отцом говорили тебе... Просили тебя не ходить одной...

Я сидела, вцепившись в матрас, низко опустив голову.

– Тебе уже нельзя было выходить из дома, – прошептала она дрожащим голосом. – И я ведь умоляла тебя быть дома, когда включаются уличные фонари, ты помнишь? – Она начала заикаться. Это было странно. Мама всегда была такой спокойной и так четко выражала свои мысли. – Я го... говорила те... те... тебе, что нельзя выходить из дома, когда стемнеет, Мэгги Мэй.

Я снова открыла рот и попыталась ответить ей, но с моих губ не сорвалось ни звука. Мама повернулась ко мне и прикусила губу. Она скрестила руки на груди и спрятала ладони под мышками, прежде чем направиться в мою сторону. Я отвела от нее взгляд.

– Посмотри на меня, Мэгги, – приказала она.

Я покачала головой.

По щекам потекли слезы. Тело пробрала дрожь.

– Мэгги Мэй, почему ты не слушаешься, когда я прошу тебя посмотреть на меня? – в ее голосе слышалась паника. Она как будто боялась, что ее девочка безвозвратно пропала.

«Может быть, так оно и есть».

Может быть, я так глубоко ушла в себя, что уже никогда не вспомню, каково это – чувствовать, испытывать боль, дышать. Мои глаза болят, потому что я долго не спала, но эта боль не шла ни в какое сравнение с болью в груди. Эхо кри-

ков той женщины все еще стояло у меня в ушах. Я все еще видела, как она борется за свою жизнь. Монстр все еще пытался забрать мою душу.

По моим щекам потекли слезы. Я начала дрожать.

– О, дорогая, – воскликнула мама. Она нежно взяла меня за подбородок и приподняла мою голову. – Расскажи мне, что произошло: все до мельчайшей подробности. Что произошло с тобой в лесу?

Краем глаза я заметила, как Кельвин и Брукс стоят в коридоре и подслушивают наш с мамой разговор. Они смотрели на нас, прислонившись к стене. Никогда не видела в глазах Брукса такой печали. Руки Кельвина были сжаты в кулаки. Он стучал по стене. Мама проследила за направлением моего взгляда, и мальчики, увидев, что она смотрит на них, поспешили прочь. Но я была уверена, что они ушли недалеко. Последние несколько дней эти двое не отходили от меня.

Шерил вела себя прямо противоположно. Казалось, она боялась подходить ко мне. Она вела себя так, словно я заразилась какой-то болезнью, и она тоже заболевает, если посмотрит в мою сторону. Вчера ночью я слышала, как она плакала, потому что ей пришлось пропустить танцевальное выступление. Это была моя вина: наши родители не хотели оставлять меня одну.

– Мэгги Мэй, – прошептала мама.

Я отвернулась от нее, и она снова вздохнула.

– Мэгги, пожалуйста. Скажи что-нибудь. Я не знаю, как

тебе помочь, а ты не рассказываешь, что случилось. – Она умоляла меня сказать ей хоть слово, но я не могла. У меня пересохло в горле. Может быть, мне нужна вода со льдом. Мне нужно что-то, что помогло бы мне расслабиться, что-то, от чего слова сами бы слетали с моих уст, но я не могла пошевелиться.

– Я не понимаю! Не понимаю, почему ты молчишь. Дорогая, ты должна мне рассказать. Я боюсь, что случилось самое худшее. Тебя кто-то обидел? Тебя... – Она не могла сказать это вслух, но я знала, о чем она спрашивает. – Солнышко, просто расскажи, что случилось, даже если кто-то причинил тебе боль. Я не буду осуждать, клянусь. Маме просто нужно знать, не причинили ли тебе боль. – Она тяжело сглотнула. – Ты можешь кивнуть, если кто-то причинил тебе боль, милая. Можешь сказать мне, – прошептала она. – Помнишь, мы говорили о безопасности? Как нельзя позволять прикасаться к тебе? И что если бы это произошло, нужно было бы обязательно рассказать об этом папе и мне? Это произошло? Я имею в виду, я знаю, что врачи проверяли, но эти тесты. Для них нужно время. Если кто-нибудь... – ее голос снова оборвался.

Я опустила голову. Я поняла, о чем именно она спрашивает. Незнакомец не насиловал меня физически. Но все же, честно говоря, он изнасиловал меня почти всеми возможными способами. Он изнасиловал мое детство.

Мою юность.

Мой голос.

Я стала свидетелем его ужасного деяния, и он попытался убить и меня – и он так много украл у меня. Он украл такую большую часть моей души.

Но для мамы я покачала головой. Нет. Он не изнасиловал меня физически.

Мама вздохнула с облегчением, а потом безудержно разрыдалась. Она закрыла лицо руками, ее тело сильно трясло, было трудно понять, что она говорит.

– Почему ты молчишь? – спросила она.

Потому что мне больше нечего сказать.

– Думаю, на сегодня хватит, Кэти, – сказал голос.

Я подняла глаза и увидела, что папа стоит в дверях и смотрит на нас с мамой. Должно быть, он пришел с работы пораньше, чтобы позаботиться о ней. Мама всегда справлялась лучше, когда он был рядом.

Она подошла к нему, и через несколько секунд папины руки обвились вокруг ее крошечного тела. Он что-то мягко прошептал ей на ухо, и, похоже, это были те самые слова. Мама перестала плакать и кивнула.

Через несколько минут она сказала, что ей нужно подышать свежим воздухом, и вышла из комнаты.

Папа подошел ко мне, опустился на колени и одарил своей лучшей кривой улыбкой.

– Мэгги Мэй?

Да, папа?

– Земля вертится, потому что твое сердце бьется, – заверил меня он. Он коснулся моего носа своим. – Все будет в порядке. Знаешь почему?

Я покачала головой, и он продолжил:

– Потому что мы никогда не остаемся одни. У тебя есть семья. Мы тебя любим и всегда будем рядом. Поняла, дочка?

Поняла, папа.

Он улыбнулся, как будто услышал слова, которые я не произнесла вслух.

– Хочешь, вечером мы съездим за замороженным йогуртом? Мне кажется, будет полезно съездить развеяться. Что скажешь?

Да.

Он улыбнулся шире, как будто снова понял меня.

Может быть, родители всегда знают, о чем думают их дети. Может быть, это какое-то шестое чувство. Я была благодарна папе за его сверхспособности.

Он ушел проверить, как мама, а я осталась сидеть на кровати в их комнате, позволив себе утонуть в мягкости матраса. Я легла на спину, свесив ноги с края кровати, и закрыла глаза. В последнее время мой слух все отчетливее улавливал каждый звук, который до меня доносился. Я слышала, как шелестят на ветру яблони на заднем дворе, как жужжит муха в ванной.

Мои глаза распахнулись даже раньше, чем слова слетели с губ Брукса. Я услышала, как он мягко подходит ко мне.

Кельвин всегда ходил тяжело, будто шагая всем своим весом, а шаги Брукса были гораздо мягче, как будто он ходил по дому на цыпочках. Интересно, он всегда так ходил или начал двигаться так аккуратно только в последние несколько дней? Я бы солгала, если бы сказала, что никогда раньше не слышала звука его шагов. Интересно, сколько всего люди упускают из виду, когда слишком много болтают?

– У тебя все хорошо, Мэгги? – спросил он, стоя на пороге. Я не стала садиться, но наклонила голову в его сторону. Когда наши взгляды встретились, его грудь опустилась, а плечи округлились. Он стоял, засунув руки в карманы джинсов. – Кельвин и твой отец сейчас на улице, проверяют, как там твоя мама. Она попросила меня пойти домой, и я сказал ей, что уйду, но я не мог не заглянуть к тебе. Я могу что-нибудь для тебя сделать?

Я пожала плечами. Он нахмурился.

– Можно войти? – спросил он.

Я кивнула. Он нахмурился еще сильнее.

Брукс сел на кровать, а потом лег рядом со мной. Я все еще лежала, наклонив голову к нему. Теперь он лежал лицом ко мне.

– Твоя мама говорит, что ты молчишь. Она сказала, что тебе нечего сказать, но я думаю, что это неправда. Я думаю, тебе есть что сказать, но ты не знаешь, как это сделать.

По моей щеке скатилась одинокая слеза, и я отвернулась, чтобы он не увидел, как я плачу. Но он все равно увидел эту

слезинку. Остальным слезам я позволила стекать по моему лицу на мамину подушку.

Он тихо произнес:

– Это ведь я виноват. Мы должны были встретиться в лесу для репетиции, но я слишком долго выбирал галстук, который бы тебе понравился. Ты, наверное, решила, что я не пришел специально, но это не так, Мэгги Мэй. Клянусь, я собирался встретиться с тобой, а когда пришел, тебя не было. Прости меня.

Я слушала, как Брукс шмыгает носом, и из моих глаз снова потекли слезы.

Он продолжал говорить:

– Мне так жаль. Прости меня, прости...

Мы лежали еще несколько минут. Слезы продолжали капать из моих глаз, и он не пытался меня успокоить. Возможно, у меня разыгралось воображение, но мне показалось, что Брукс плакал вместе со мной.

– Кто хочет мороженого? – сказал папа, врываясь в свою спальню. Мы с Бруксом все еще были там. Я не знала, как

это случилось, но в какой-то момент мы с Бруксом взяли за руки. Я не нашла в себе силы убрать свою руку.

Мы сели, и Брукс быстро убрал свою.

– Я бы с удовольствием съел мороженого, – проорал он.

Мама встала позади папы и нахмурилась.

– Брукс, ты уже давненько не показывался дома. Наверное, тебе стоит пойти к себе. Если ты не против, нам нужно побыть в кругу семьи. – Она не хотела быть грубой, но по улыбке Брукса я поняла, что он задет.

Для большинства людей это была обычная улыбка, но я знала, что так он улыбался, когда смущен.

– Конечно, миссис Райли. Простите. Я пойду. – Он повернулся ко мне и криво усмехнулся. – У тебя все хорошо, Мэгги Мэй?

После несчастного случая он задавал мне этот вопрос каждый день. Я медленно кивнула.

Все хорошо, Брукс.

Он встал с кровати и направился к выходу из спальни, но папа откашлялся.

– Наверное, было бы здорово, если бы Брукс поехал за мороженым вместе с нами.

– Эрик, – запротестовала мама, но папа успокаивающе положил руку ей на плечо.

– Но только если Мэгги скажет, что все в порядке, – закончил он, глядя на меня.

Брукс бросил на меня полный надежды взгляд, и я не

смогла ему отказать. В конце концов, он слышал мое молчание. Я согласилась, мы все обулись и пошли к входной двери. Когда все вышли на улицу, я остановилась на пороге.

Меня охватила паника, в груди все сжалось. Что если он все еще там? Что если он ждет меня? Что если он ждет, чтобы сделать мне больно? Или сделать больно кому-то другому, или...

– Мэгги, – сказала мама, глядя на меня. Она подняла бровь. – Пойдем, дорогая.

Я изо всех сил старалась выйти из дома. Я изо всех сил старалась идти вперед, но меня охватил невыносимый ужас. Каждый раз, когда я пыталась убедить себя сделать шаг вперед, как-то получалось, что я делала шаг назад.

– Что ты делаешь? – спросил Кельвин, глядя на меня так, как будто я сошла с ума.

И это читалось во взглядах каждого из них.

А вдруг так и есть?

Вдруг я сошла с ума?

«Я слышу его голос, – подумала я. – Я слышу, как он просит меня вести себя тише. Он видит меня. Он может причинить мне боль».

Я отступала в дом, а когда я уперлась спиной в стену, подпрыгнула от страха. Я не могу выйти на улицу. Там небезопасно. Я это точно знаю. Все, чего я хочу, – это быть в безопасности.

Мир был страшен, и в последнее время у меня было боль-

ше страха, чем сил.

– Мэгги, пойдём, – простонала Шерил. – Ты все портишь. Мама ущипнула Шерил за руку.

– Перестань, Шерил Рей!

Но она была права. Я все порчу.

Простите. Простите.

Я отступила еще на шаг. Не успела я опомниться, как ноги сами понесли меня обратно в спальню родителей. Это было самое безопасное место, которое я знала, и я не знала, как оттуда уйти. Забравшись под их одеяла, я почувствовала, как все мое тело сотрясает дрожь. Я не могу дышать. Я не могу заглушить шум в своей голове. Я не могу отключить свой мозг.

Когда одеяла сдвинулись, я схватилась за края, пытаюсь удержать их.

Он нашел меня. Он нашел меня.

Я посмотрела в глаза папе, и меня накрыло волной облегчения. Мои глаза были широко раскрыты, в них читалась паника, а исходящие от него волны беспокойства были почти осязаемыми. Он лег на кровать и забрался ко мне под одеяло. Я не могла унять дрожь.

«Тише...»

Тишеeee...»

Голос дьявола отравил мою память. Каждая моя мысль сопровождалась воспоминанием о его шепоте. Я не могу выйти из дома. Если я это сделаю, он увидит меня. Я не могу

говорить. Если я это сделаю, он услышит меня.

– Мы разберемся с этим, Мэгги, – сказал папа, обнимая меня. – Мы это исправим, чего бы нам это ни стоило.

До этого папа никогда мне не лгал.

Когда он встал, чтобы выйти в коридор и поговорить с мамой, я плотнее закуталась в одеяло. Я не могла унять дрожь, когда слушала, как мама говорит о своих самых потаенных страхах.

– А что если она никогда не оправится? Что если она никогда снова не станет собой? Что подумают люди? Что они скажут?

– С каких это пор нас волнует, что говорят люди?

– Эрик. Нас всегда волнует, что подумают о нас люди.

Это был первый раз, когда я почувствовала трещину в фундаменте родительской любви.

И все это было из-за меня.

Глава 6

Брукс

– Дурацкий галстук цвета грязи. Дурацкий фиолетовый галстук. Как же это глупо! – бормотал я, заталкивая все галстуки в верхний ящик комода.

Ненавижу галстуки. Это из-за них я опоздал. Ненавижу себя. Это из-за меня Мэгги оказалась в лесу одна.

Я пытался закрыть ящик комода и все сильнее злился. Он не закрывался, потому что в нем было слишком много вещей.

– А-А-А! – закричал я, ударив по нему кулаком. – Ненавижу вас! Ненавижу!

Я пнул комод, вложив в этот удар все свои силы, но это не дало ровным счетом ничего. Я прохромал к стене и потерял палец ноги.

– Брукс, все в порядке? – в комнату вошла мама. В ее взгляде ясно читалось беспокойство. Она уже надела халат и была готова ехать в больницу, где работала медсестрой. Она посмотрела на часы, и я понял, что она опаздывает.

– Все в порядке, – фыркнул я, ковыляя к своей кровати. Я сел и снова потерял пальцы ног.

Она подошла ко мне и приложила руку к моему лбу.

– Что такое, дорогой?

– Все в порядке, – пробормотал я. – Ты опоздаешь.

Она сняла часы и спрятала их за спину. Потом она улыбнулась мне.

– Не волнуйся. Давай поговорим. Я знаю, что ты многое пережил после того, что случилось с Мэгги.

– Нет. Дело не в этом. Я просто не могу закрыть комод. – Мое лицо пылало, а руки были сжаты в кулаки. – Это все дурацкие галстуки, – прошептал я сквозь стиснутые зубы.

– Галстуки?

– Да! Я вытащил все эти дурацкие галстуки из ящика, а теперь не могу засунуть их обратно. Поэтому я пнул комод, и теперь нога болит.

– Слушай, а зачем ты вообще вытащил галстуки?

– Потому что... – Я заколебался и поднял бровь, глядя на маму. – Ты очень сильно опоздаешь.

– Не переживай. – Она улыбнулась и провела пальцами по моим волосам. – Ничего страшного. Расскажи, что на самом деле тебя беспокоит.

– Ну... Я должен был встретиться с Мэгги в лесу для репетиции.

– Репетиции?

– Нашей свадьбы.

– Вы собирались пожениться?

Я покраснел еще сильнее и уставился в пол. Как же я не сказал маме, что женюсь? Мэгги рассказала всем, а я? Ни-

кому.

– Да... Не знаю. Это Мэгги придумала. Ее дурацкая идея. Я просто соглашался, потому что Джейми меня заставил. В общем, Мэгги сказала мне надеть галстук и встретиться с ней в лесу. Звучит просто, но я слишком долго выбирал галстук. В общем, она была в лесу совсем одна, и что бы с ней там ни случилось, это произошло из-за меня. Я поздно пришел к узловатым деревьям, и из-за меня ее испугали.

– О, дорогой! – Мама вздохнула и начала растирать мне спину. – Ты не виноват.

– Нет, виноват. Я виноват в том, что не смог защитить ее, а теперь она не говорит и не выходит из дома, потому что что-то напугало ее. Я должен был быть там, должен был это остановить, спасти ее.

– Брукс, – мама заговорила очень тихо, стиснув пальцы, – то, что произошло с Мэгги, – настоящая трагедия, но ты в этом не виноват. Если жизнь меня чему-то и научила, так это тому, что не стоит сидеть и без конца прокручивать что-то у себя в голове. Прошное изменить нельзя, но можно сформировать будущее. Знаешь, как можно помочь Мэгги?

– Как? – жадно спросил я, выпрямляясь. – Я сделаю все, чтобы с ней все снова было в порядке.

– Будь ее другом. Наверное, она сейчас очень напугана и растеряна. Может быть, даже чувствует себя одиноко. Ей не нужно, чтобы ты жалел ее, дорогой. Ей просто нужен друг. Кто-то, кто будет время от времени заглядывать к ней. Кто-

то, кто будет спрашивать, все ли у нее в порядке. Кто-то, кто даст ей понять, что она не одна.

Да. Друг.

– Это я могу. Думаю, я могу быть хорошим другом.

Она тихо усмехнулась и наклонилась, чтобы поцеловать меня в лоб.

– Я знаю. Подожди, я кое-что тебе принесу. – Она быстро вышла из спальни, а когда вернулась, ее левая рука была сжата в кулак. Она села рядом со мной и раскрыла ладонь. В руке у нее был амулет в форме якоря на веревочке. – Твой отец подарил мне его много лет назад, когда умер мой папа. Он пообещал, что если он будет мне нужен, он всегда будет рядом. Он сказал, что будет моим якорем, когда мне казалось, что меня уносят волны. Он всегда был и остается для меня удивительным другом. Ты можешь подарить его Мэгги, чтобы она улыбалась.

Я взял у мамы подвеску и поблагодарил ее. Она очень здорово помогла мне. Если этот якорь поможет Мэгги улыбнуться, тогда это ее якорь. Я готов на все, чтобы вернуть миру ее прекрасные уродливые улыбки.

– У тебя сегодня все хорошо, Мэгги Мэй? – спросил я, стоя на пороге ее спальни и сжимая в руках свой МРЗ-плеер. Когда я вошел, она стояла у окна и смотрела на улицу. Она медленно повернулась ко мне и крепко обхватила себя руками. В ее глазах была грусть. От этого мне тоже стало грустно, но я не показывал этого. Я просто едва заметно улыбнулся ей. – У тебя сегодня все хорошо? – повторил я.

Она медленно кивнула. Я понял, что она врет, но это ничего. Она может не торопиться, лишь бы у нее снова все было хорошо. Я не против. Я никуда не денусь.

– Можно войти?

Она снова кивнула.

Войдя, я поправил галстук – зеленый, который так ей нравился. Рука, в которой был плеер, вспотела, и, когда мы сели на ее кровать, я шмыгнул носом. Я не знал, что сказать. То есть обычно, когда люди дружат, они разговаривают. Чем дольше мы молчали, тем больше я нервничал. Я начал постукивать ногами по полу, а Мэгги так и сидела, сцепив руки на коленях. Она была очень бледной, а ее взгляд – очень уставшим, и в то мгновение мне его не хватало. Мне не хватало именно того, что так долго меня раздражало.

Мне не хватало ее голоса.

– Можно, я снова возьму тебя за руку? – спросил я.

Она вложила свою левую руку в мою правую руку, и я вздохнул. Ее пальцы были холодными, как лед.

– Сожми мою руку один раз, если хочешь сказать «нет», и два раза, если хочешь сказать «да», хорошо?

Она согласилась и закрыла глаза.

– Тебе страшно?

Она сжала дважды.

– Тебе грустно?

Она сжала дважды.

– Ты хочешь побыть одна?

Она сжала один раз.

– Как думаешь, можно... как думаешь, я могу быть твоим другом? – прошептал я.

Она распахнула глаза и посмотрела на меня. Интересно, бьется ли сейчас ее сердце так же, как и мое: быстро, испуганно, так, что кружится голова?

Она посмотрела на наши ладони и сжала их один раз. Потом она снова сжала мою руку, и мое сердце бешено заколотилось.

Я перестал сдерживать дыхание и выдохнул.

Я засунул свободную руку в карман и вытащил мамину подвеску.

– Это тебе. Амулет дружбы. Якорь. Обещаю, что я буду твоим другом – хорошим другом. По крайней мере, я сделаю все, что смогу. Я буду твоим якорем. Я буду держать тебя, если ты почувствуешь, что тебя уносят волны. Просто... – Я вздохнул, глядя на подвеску в своей руке. – Я хочу, чтобы ты снова улыбалась. Я хочу, чтобы твои мечты сбывались. И я

буду очень стараться, чтобы они сбылись, даже если ты мечтаешь о собаке по кличке Скиппи и коте по кличке Джем. Я хочу, чтобы ты знала... – Я снова вздохнул, потому что всякий раз, когда ее глаза наполнялись слезами, мне было очень больно. – Мэгги, я хочу, чтобы ты знала: даже если ты решишь больше никогда не говорить, рядом с тобой всегда будет человек, который тебя услышит. Хорошо? Я всегда буду рядом, чтобы слушать твое молчание. Ну что? Она тебе нужна? Тебе нужна эта подвеска?

Она дважды сжала мою руку, и на ее лице появилась едва заметная, почти не различимая улыбка.

– Если хочешь, мы можем вместе послушать мою музыку. Знаю, я говорил, что никогда не дам тебе ее послушать, но я хочу сказать, что ты можешь ее слушать, если захочешь. Вчера вечером Джейми собрал для меня новый плейлист на своем компьютере, и я загрузил его в плеер. Я не знаю, что там, но мы можем послушать вместе.

Она снова дважды сжала мою руку. Я дал ей один наушник, а сам взял другой. Мы лежали на ее кровати, свесив ноги с края. Я включил музыку. Начала играть «Low» – FloRida feat. T-Pain.

«Боже, Джейми».

Не слишком-то она подходит моменту⁶. Я хотел включить другую, но Мэгги сжала мою руку, останавливая меня. Ее глаза были закрыты, и по щекам скатилось несколько слез,

⁶ В треке «Low» – FloRida feat. T-Pain достаточно дерзкий текст.

но я готов был поклясться, что видел, как ее губы дрогнули в едва заметной улыбке. Настолько незаметной, что кто-то, наверное, подумал бы, что она просто хмурится, но я знал, что это не так.

Когда я смотрел, как она едва заметно улыбается, мне было больно. Я закрыл глаза, и, когда мы слушали FloRida, у меня из глаз вытекло несколько слезинок. Не знаю почему, но когда она плакала, я тоже плакал.

В этот момент я понял, что она была права с самого начала.

Она была права насчет меня, и нее, и нас.

Я буду любить только ее. Я буду любить ее вечно.

Как бы жизнь ни пыталась изменить нас.

Часть 2

Глава 7

Мэгги

15 мая 2016 года – восемнадцать лет

Мама и папа больше не танцевали.

За последние десять лет между ними изменилось многое. Но эта перемена была самой печальной. Они по-прежнему обнимались по утрам, и папа всегда целовал маму в лоб перед тем, как пойти на работу в университет. Выходя из дома, он всегда говорил: «Я люблю...», а мама всегда заканчивала: «...тебя».

Они все еще любили друг друга, но больше не танцевали.

По вечерам мама разговаривала по телефону со своими лучшими подругами по колледжу, обсуждая меня или разных психотерапевтов, читала статьи в Интернете или оплачивала счета. Папа сидел в гостиной. Он либо проверял работы студентов старших курсов, либо смотрел «Теорию Большого

взрыва»⁷.

Раньше папа пытался включить песню, под которую они танцевали на свадьбе, но обычно мама была слишком уставшей, чтобы танцевать с ним.

– Потанцуй со мной? – спрашивал он.

– Не сегодня. У меня болит голова, Эрик, – отвечала она.

Она не знала об этом, но я видела, что папа всегда хмурился, когда она уходила.

– Я люблю... – говорил он, глядя ей в спину.

– ...тебя, – по привычке бормотала она.

Она поднимала глаза в сторону лестницы, видела меня и хмурилась. Глядя на меня, она всегда хмурилась, как будто я была трещиной на семейном портрете.

– Иди спать, Мэгги Мэй. Завтра рано вставать на учебу.

Иногда она стояла и смотрела на меня, словно ждала, что я скажу ей что-то в ответ. А потом, когда я молчала, она вздыхала и уходила, еще более уставшая, чем минуту назад.

Тяжело было осознавать, как сильно я ее изматывала.

Было еще тяжелее сознавать, как сильно я сама себя измотала.

– Все хорошо, дочка? – спросил папа, заглядывая ко мне в спальню.

Я улыбнулась.

– Хорошо, хорошо. – Он потер рукой седеющую бороду. –

⁷ «Теория Большого взрыва» (англ. The Big Bang Theory) – американский sitcom, созданный Чаком Лорри и Биллом Прэди.

Время шуток?

Мой отец был ботаником в хорошем смысле этого слова. Он был профессором английского языка в Университете Харпер-Лейн и знал о литературе больше других. Но настоящий его талант заключался в том, что он знал самые ужасные шутки на всем белом свете. Каждый вечер он рассказывал мне что-то ужасное.

– Что можно найти на кухне у Чарльза Диккенса? – Он похлопал себя по ногам, изображая барабанную дробь, и закричал: – «Лучшее из тимьяна, худшее из тимьяна»⁸!

Я закатила глаза, хотя это была самая смешная шутка, которую я когда-либо слышала.

Он подошел ко мне и поцеловал меня в лоб.

– Спокойной ночи, Мэгги. Земля вертится, потому что твое сердце бьется.

Каждую ночь, лежа в постели, я слушала, как Кельвин играет у себя в комнате. Он всегда засиживался допоздна. Он либо слушал музыку, либо делал уроки, либо проводил время со своей девушкой Стейси. Я всегда знала, когда она была у нас, потому что она хихикала, как безумно влюбленная девчонка. Они встречались уже так долго, что даже носили кольца обещания, которые связывали их навеки.

Около одиннадцати вечера я просыпалась и слышала, как

⁸ Аллюзия на «Повесть о двух городах» Чарльза Диккенса. («Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен».) Слово «thymes» (тимьян, *англ.*) имеет схожее звучание со словом «time» (время, *англ.*) – игра слов.

Шерил на цыпочках выскальзывает из дома, к своему парню Джордану. Джордан был классическим плохим парнем, о которых я читала во многих книгах. Шерил было лучше всего без него, но я не могла сказать ей об этом. Даже если бы и могла, она не стала бы меня слушать.

За последние годы каждый из членов моей семьи нашел определенный способ обращения со мной и моим молчанием. Кельвин стал одним из моих лучших друзей. Они с Бруксом проводили со мной много времени. Мы играли в видеоигры, смотрели фильмы, которые нам нельзя было смотреть, и раньше всех находили лучшую музыку на свете.

Мама закрылась от меня, когда поняла, что я больше не буду говорить. Она уволилась с работы, чтобы обучать меня на дому, но в основном говорила со мной только о том, что было связано с учебой. По правде говоря, мне казалось, она винила себя в том, что со мной произошло. Ей было сложно видеть меня каждый день, и поэтому она возвела между нами стену. Она не знала, о чем со мной говорить, поэтому через некоторое время ей стало очень тяжело общаться без слов. Иногда, когда я заходила в комнату, она выходила из нее. Но я ее не винила. Увидев меня, она вспоминала, как много лет назад не заметила, что я выскользнула из дома, чтобы встретиться с Бруксом. И ей было больно смотреть на меня.

Папа вел себя так же, как и всегда. Пожалуй, он был даже еще нелепее и нежнее, чем раньше. Я была благодарна ему

за это. Я всегда могла рассчитывать на него. Казалось, он и мысли не допускал, будто со мной что-то было не так. Он считал, что со мной все в полном порядке.

Шерил, напротив, меня ненавидела. Возможно, ненавидела – слишком сильно сказано, но мне в голову приходило только это слово. Впрочем, ей действительно было за что меня не любить. Все время из-за моих проблем она оставалась на втором плане. Из-за меня мы не могли ездить куда-то всей семьей, из-за моего домашнего лечения приходилось пропускать шоу талантов. Кроме того, денег на нее не тратили, потому что мои родители вкладывали их в меня. И, поскольку мама не могла смотреть на меня, она всегда смотрела на Шерил, срываясь на нее по всяким пустякам и обвиняя ее во всем. Неудивительно, что, когда Шерил стала подростком, она начала бунтовать против всего мира. Самой бунтарской ее выходкой был Джордан. Он был ее самой большой ошибкой.

Я снова засыпала, слушая, как Кельвин играет, а потом просыпалась около трех часов ночи, когда Шерил пробиралась обратно в дом.

Иногда я слышала, как она плачет. Но не могла узнать, в чем дело, потому что ей было больше по душе, когда я оставалась невидимой.

– Да ты можешь скорее?! – спрашивал Кельвин следующим утром, барабанив по двери ванной. Его волосы стояли торчком, одна штанина мятых пижамных штанов была задрана, а вторая волочилась по полу. Он снова постучал в дверь, перекинув через плечо полотенце. – Шерил! Давай быстрее! Брукс приедет с минуты на минуту, я опаздываю. Выходи уже. Ты такая страшная, что тебе никакая тушь на свете не поможет.

Дверь ванной распахнулась, и она закатила глаза.

– А ты такой вонючий, что тебе никакая вода на свете не поможет.

– О, неплохо. Интересно, оценит ли это мама. Особенно если я расскажу ей, что вчера вечером тебя не было дома.

Шерил прищурилась и протиснулась мимо него.

– Ты самый надоедливый человек в этом гребаном мире.

– Я тоже тебя люблю, сестренка.

Она отмахнулась от него.

– Я использовала всю горячую воду. – Она прошла в свою комнату и посмотрела на меня: моя дверь была открыта. – Чего пялишься, уродка?

Затем она направилась к себе в комнату и захлопнула за собой дверь.

Кельвин посмотрел на меня и хихикнул.

– Ну до чего же она милая. Доброе утро, Мэгги.

Я помахала ему.

Моя рутина, когда я готовилась к учебе, была довольно простой. Я просыпалась, читала одну из любимых книг, чистила зубы, причесывалась и шла в столовую заниматься.

Больше всего мне нравилось, когда в гости заходил Брукс. Каждый день они с Кельвином вместе ехали в школу, а учитывая, что Шерил всегда надолго занимала ванную, по утрам Кельвин всегда опаздывал.

Брукс был из тех людей, которые мгновенно всем нравились. Даже с учетом его хипстерских наклонностей, он все равно был одним из самых популярных ребят в школе. И неудивительно: он был таким общительным. Он увлекал людей своим обаянием, и поэтому у него всегда была девушка. В данный момент счастливицей была Лейси Палмер, но множество других с нетерпением ждали своей очереди. Ничего удивительного, ведь он был не просто очарователен. Он был шикарен. У него был идеальный загар, мускулистые руки и волнистые, идеально взлохмаченные волосы.

Его улыбка тоже была идеальна. Он всегда улыбался левой стороной рта и смеялся правой. Он носил футболки с логотипами инди-рок-групп, купленных на концертах, на которые ездил с Кельвином и еще двумя друзьями, Оливером и

Оуэном. Он всегда носил рваные джинсы и кожаный ремень, на который вешал небольшие значки со словами любимых песен. В его кармане всегда было несколько медиаторов, которые он перебирал в течение дня, а его белые кеды всегда были расшнурованы и раскрашены маркерами.

Кроме того, у него был пунктик насчет разномастных носков. Если на нем была пара одинаковых носков, это означало, что он одевался в темноте.

– У тебя сегодня все хорошо, Магнит? – Я кивнула. Он задавал мне этот вопрос каждый раз, когда приходил в гости. После того несчастного случая много лет назад Брукс пообещал, что будет присматривать за мной, и он сдержал обещание. В последнее время он начал называть меня Магнитом. Он объяснил это тем, что его тянет к нашей дружбе. – Между нами существует магнетическое притяжение дружбы, Мэгги Мэй. Ты мой магнит.

Конечно, это прозвище появилось после того, как однажды вечером они с моим братом пошли на какую-то вечеринку, напились там, а потом блевали у меня в комнате, но прозвище все равно прижилось.

– Можно войти? – спросил он. Он всегда спрашивал разрешения. Это было странно. Ответ всегда был положительным.

Он заскочил ко мне в комнату – даже в семь утра он был энергичным, как кролик из рекламы батареек Duracell.

– Я хочу, чтобы ты кое-что послушала, – сказал он, под-

ходя ко мне и доставая из заднего кармана свой айпод. Мы оба легли на мою кровать, свесив ноги с края и касаясь ногами пола. Он вставил один наушник в ухо, а я взяла другой, после чего он нажал кнопку воспроизведения.

Музыка была воздушной и легкой, но в ней была сильная басовая партия, пронизывающая песню. Она была романтичной, свободной, талантливой.

– «All Around And Away We Go» Mr. Twin Sister, – сказал он, отбивая пальцем ритм по матрасу.

Брукс был моим музыкальным автоматом. Он запретил мне слушать радио, потому что там всегда крутят зомбирующую попсу. Поэтому каждый день, утром и вечером, он открывал для меня то, что считал золотом музыкальной индустрии.

Мы лежали на моей кровати, глядя в потолок, и слушали музыку, пока Кельвин не вбежал в мою комнату с мокрыми волосами и маффином во рту.

– Готов! – крикнул он, роняя крошки на мой ковер.

Мы с Бруксом сели, и он намотал наушники на свой айпод.

– Ладно, Магнит, я еще зайду к тебе после школы. Дам тебе послушать кое-что еще, – сказал он с улыбкой. – Помни: никаких наркотиков кроме лучших и никаких прогулов, как бы ни хотелось!

И они ушли.

Мой взгляд метнулся к часам на стене.

Я вздохнула.

До возвращения музыки оставалось еще около одиннадцати часов.

Глава 8

Мэгги

Каждый день в пять часов я в течение часа принимала ванную. Сорок пять минут я лежала в ванной и читала. Потом на десять минут я откладывала книгу в сторону и мылась. Мои пальцы сморщились, как изюминки. Я закрыла глаза и провела по рукам куском лавандового мыла. Я любила запах лаванды почти так же сильно, как гардении. Гардении были моими самыми любимыми цветами. Каждую среду папа ходил на фермерский рынок, покупал мне свежий букет и ставил его на подоконнике в моей спальне.

В первый раз, когда он принес гардении, он понял, что они понравились мне больше всего. Может быть, по тому, как приподнялись уголки моих губ, и тому, сколько раз я кивнула, вдыхая аромат, а может быть, просто потому, что он научился понимать мое молчание.

Мой отец мог сказать обо мне почти все, просто наблюдая за моими едва заметными жестами и крошечными движениями. Но он не знал, что когда я заканчивала принимать ванную, в последние пять минут, когда обжигающе горячая вода становилась холодной, я опускала голову под воду и задерживала дыхание.

В течение этих пяти минут я вспоминала, что со мной произошло. Мне было важно помнить дьявола, помнить, как он выглядел, каким он был. Если я не помнила, я начинала винить в произошедшем себя и забывала, что тем вечером я была жертвой. Когда я помнила, дышать было уже не так трудно. А под водой мне думалось лучше всего. Когда я погружалась в воду, я прощала себе любое чувство вины.

Она не может дышать.

Мое горло сжалось, как будто пальцы дьявола обвилились вокруг моей шеи, а не шеи женщины.

Дьявол.

По крайней мере, в моих глазах он был суицидным дьяволом.

Беги! Беги, Мэгги!

Мой разум продолжал кричать, но я стояла неподвижно, не в силах отвести взгляд от ужаса перед моими глазами.

– Мэгги!

Услышав свое имя, я вынырнула из воды и выдохнула, а потом сделала еще один глубокий вдох.

– Мэгги, к тебе пришла миссис Бун, – крикнул папа снизу. Я встала в ванне и вытащила пробку, позволив воде стекать в трубу по часовой стрелке. Мои длинные, густые светлые волосы свисали до ягодиц, а кожа была очень бледной.

Я посмотрела на часы на стене.

18:01.

Миссис Бун опаздывает. Очень опаздывает.

Много лет назад, когда она услышала о том, что со мной

произошло, она сказала, что хотела бы приходить ко мне один раз в день, чтобы я могла с кем-то общаться. В глубине души мне казалось, что она каждый день приходит ко мне, чтобы самой не быть одинокой. Но я была не против. Когда одинокая душа находит такую же, они крепко держатся друг за друга, несмотря ни на что. Я еще не определилась, хорошо это или плохо. Кто-то сказал бы, что когда два одиноких человека встречаются, два минуса накладываются друг на друга и превращаются в плюс, но это не так. Казалось, что они поднимают одиночество до нового уровня, до того, в котором им нравится тонуть.

Миссис Бун часто брала с собой свою кошку, Булку, чтобы развлечь меня во время обеда. Она всегда приходила в полдень, и мы сидели в столовой и пили чай с сэндвичами. Я ненавижу чай, и миссис Бун это знает, но все равно каждый день приносит его мне из местной пекарни.

– Ты молода, а значит, глупа, и поэтому не понимаешь, как замечательно на тебя действует чай. Ты поймешь, – уверяла меня она. Но этого так и не происходило. Я так и не поняла. Скорее, наоборот, с каждым разом я ненавидела его все больше и больше.

Когда она была молодой, то жила в Англии. Наверное, в этом и заключалась причина ее любви к грязному напитку. Ее муж умер много лет назад, и с тех пор она всегда мечтала вернуться в Англию. Именно из-за него она приехала в Америку. Но я поняла, что после того, как он умер, со временем

у нее пропало желание возвращаться в Англию.

– Моим домом был Стэнли, – всегда говорила она о своем покойном муже. – Было неважно, где мы жили, потому что пока он был рядом, я была дома.

После того как он умер, миссис Бун все равно что стала бездомной. Когда Стэнли собрал свои вещи и отправился в плавание по загробной жизни, он забрал с собой спасительную гавань миссис Бун – биение своего сердца. Я часто задавалась вопросом, закрывала ли она когда-нибудь глаза на несколько минут и вспоминала ли эти удары сердца.

Я бы вспоминала.

– Мэгги! – крикнул папа, отвлекая меня от моих мыслей.

Я сняла со стойки огромное белое полотенце и завернулась в него. Выйдя из ванны, я подошла к зеркалу и схватила расческу. Распутывая волосы, я рассматривала свои голубые глаза, такие же, как у папы, и скулы, которые мне тоже достались от него. Маленькие веснушки на моем носу у меня были от бабушки, а длинные ресницы – от дедушки. Сколько своих предков можно было увидеть, просто глядя каждый день в зеркало? Я знала, что это невозможно, но иногда готова была поклясться, что у меня мамина улыбка и ее хмурый взгляд.

– Мэгги, – снова позвал папа. – Ты меня слышала?

Я раздумывала над тем, стоит ли мне вообще отвечать, потому что была очень раздражена тем, что миссис Бун решила, что это нормально – прийти так поздно, как будто у

меня нет других дел. Она должна была прийти в полдень. У нас был запланированный график, и сегодня она его нарушила. Я даже не могла толком сказать, почему она навещает меня каждый день и почему я позволяю ей приходить на обед. Большую часть времени она вела себя более чем грубо. Она повторяла, какая я глупая и как нелепо, что я не могу сказать ни слова.

Она говорила, что я веду себя как ребенок.

Незрело.

Наверное, я продолжала общаться с ней, потому что у меня было не так много друзей. Иногда ее грубые комментарии были настолько резкими, что вызывали у меня реакцию – едва заметную усмешку, почти неприметные, тихие смешки, которые могла слышать только я. Семидесятилетняя пердунья была одной из моих лучших подруг. И моим закадычным врагом. Наши отношения были сложными, поэтому лучше всего для описания наших отношений подходило словосочетание «заклятые друзья» – враги, но друзья. Кроме того, я обожала ее кошку так же сильно, как в детстве. И она все еще ходила за мной по дому и терлась своей мягкой шерсткой о мои ноги.

– Мэгги Мэй? – снова позвал папа, на этот раз стуча в дверь ванной. – Ты меня слышала?

Я дважды стукнула по двери. Один стук значил «нет», а два – «да».

– Ну, давай не будем заставлять миссис Бун ждать, ладно?

Спускайся, – сказал он.

Я хотела было стукнуть по двери один раз, чтобы показать свою дерзость, но сдержалась. Я заплела свои все еще мокрые волосы в одну гигантскую косу, перекинула через левое плечо. Я надела нижнее белье, затем натянула через голову светло-желтое платье. Схватив свою книгу с бортика ванной, я поспешила в столовую, где меня ждала моя любимая заклятая подруга.

Миссис Бун всегда была одета так, словно собиралась на встречу с королевой Елизаветой. На ее шее и пальцах всегда были украшения с драгоценными камнями, и они всегда сверкали на фоне накинутаго на ее плечи искусственного меха. Она всегда лгала и говорила, что это настоящий мех, но я-то знала, что это не так. Я прочла достаточно книг про сороковые годы, чтобы понимать разницу между настоящим мехом и искусственным.

Она всегда носила платья и колготки со свитерами и туфлями на небольшом каблучке и надевала на шею Булки мерцающий разноцветный воротник в тон своему наряду.

– Невежливо заставлять пожилую женщину ждать, Мэгги Мэй, – сказала миссис Бун, постукивая пальцами по темному дубовому столу.

Невежливо заставлять девушку ждать, миссис Бун.

Я натянуто улыбнулась ей, и она недовольно приподняла бровь. Я села рядом с ней, и она пододвинула мне чашку чая.

– Это «Эрл Грей». В этот раз тебе понравится.

Я сделала глоток, еле сдерживая рвотные позывы.

Она снова ошиблась. Она улыбнулась, довольная моим неудовольствием.

– Ужасная у тебя прическа. Тебе не стоит так сушить волосы. Ты простудишься.

Нет, не простужусь.

– Нет, – пропыхтела она. – Простудишься.

Она всегда понимала, что именно я не сказала. В последнее время я все чаще задумываюсь, а не ведьма ли она. Вдруг, когда она была ребенком, на ее подоконнике появилась сова и вручила ей письмо с приглашением посетить школу для ведьм и волшебников, но где-то по пути она влюбилась в маггла и вернулась в Висконсин, предпочтя любовь настоящим приключениям⁹.

Будь я на ее месте, я бы никогда не предпочла любовь приключениям.

Я бы приняла приглашение совы.

Эта мысль была смешной, поскольку единственные приключения, которые я когда-либо переживала, были на страницах романов.

– Что ты там читаешь? – спросила она, доставая из своей огромной сумки два сэндвича с индейкой. Я еще не видела сами сэндвичи, потому что они все еще были завернуты в

⁹ Здесь имеется в виду устройство вселенной книг о Гарри Поттере Джоан Роулинг. Когда маленьким волшебникам исполняется 11 лет, сова приносит им приглашение учиться в школе чародейства и волшебства Хогвартс. Магглы же – это люди, не обладающие волшебными способностями.

коричневую бумагу, в которую в пекарне заворачивали всю еду, но я знала, что они с индейкой. Миссис Бун всегда покупала одни и те же сэндвичи: с индейкой, помидором, листом салата и майонезом на ржаном хлебе. Не больше и не меньше. В те дни, когда мне хотелось тунца, мне приходилось убеждать себя, что индейка – это рыба. Один сэндвич она положила передо мной, а другой развернула и откусила от него большой кусок. Для такой маленькой дамы она, конечно, знала толк в больших кусках.

Я положила перед ней книгу, и она вздохнула.

– Опять?

Да, опять.

В этом месяце я перечитывала сагу о Гарри Поттере. Возможно, это имело какое-то отношение к тому, что я считала миссис Бун ведьмой. Честно говоря, у нее даже была классическая ведьминская родинка рядом с носом.

– На свете так много книг, а ты все равно перечитываешь одни и те же. Не может быть, чтобы эти истории все еще удивляли тебя после стольких лет.

Очевидно, она никогда не читала и не перечитывала сагу о Гарри Поттере.

Каждый раз все было по-другому.

Когда я впервые прочитала эти книги, меня они взволновали.

Но когда я перечитала их, я увидела в них больше боли.

Нельзя прочитать выдающуюся книгу дважды и не уви-

деть в ней ничего нового. Выдающаяся книга всегда удивляет вас и побуждает размышлять, менять взгляды на мир, вне зависимости от того, сколько раз были прочитаны эти слова.

– Я начинаю верить, что ты увлекаешься черной магией, – сказала она, откусывая еще кусок от сэндвича и потягивая чай.

Очень странно, что ведьма говорит это магглу.

Булка вылезла из-под стола и потерлась о мою ногу в знак приветствия. Я наклонилась, чтобы погладить ее.

Ну, здравствуй, подружка.

Булка мяукнула и легла на бок, подставляя мне живот. Когда я погладила ее не так, как ей хотелось, я могла поклясться, что она пробормотала ругательство на кошачьем языке, а затем ушла, вероятно, чтобы найти мою мать. Она хорошо умела гладить Булку.

– Что у тебя с лицом? – гавкнула она, прищурившись и глядя на меня.

Я озадаченно подняла бровь.

Она покачала головой.

– У тебя такие синяки под глазами. Как будто ты не спала несколько дней. Тебе действительно стоит попросить Кэти выдать тебе немного косметики. Выглядишь ужасно.

Я коснулась кожи под глазами. Когда тебе говорят, что ты выглядишь усталой, это всегда беспокоит, даже если на самом деле ты не устала.

– Послушай, Мэгги. Нам нужно поговорить, – миссис Бун

выпрямилась и прочистила горло. – То есть ты будешь слушать, а я говорить.

Я тоже выпрямилась. Я поняла, что разговор предстоит серьезный, потому что всякий раз, когда она собиралась ругать меня, ее ноздри раздувались. Так было и сейчас.

– Тебе нужно уйти из дома, – сказала она.

Я чуть не рассмеялась.

Уйти из дома?

Что за чушь. Она знала, что со мной – ну, она не знала, но все-таки была достаточно хорошо осведомлена об этом. За последние годы я ни разу не выходила из дома. Мама и папа перевели меня на домашнее обучение много лет назад и всякий раз, когда мне требовался врач или стоматолог, родители приглашали их к нам. Миссис Бун знала это; вот почему мы никогда не пили отвратительный чай у нее дома.

Она нахмурилась.

– Я не шучу, Мэгги Мэй. Ты должна уйти. Что ты собираешься делать? Будешь жить здесь вечно? Ты скоро окончишь школу. Ты хочешь поступить в колледж?

У меня не было ответа на этот вопрос.

Миссис Бун нахмурилась.

– Как ты вообще собираешься жить? Как ты собираешься влюбляться? Подниматься на гору? Или смотреть на Эйфелеву башню ночью? Джессика, мы не сможем вечно поддерживать тебя, – сказала она.

Я подняла бровь.

Джессика?

– У нас с твоим отцом уже сил никаких нет. Мы больше не выдержим. Неужели ты не хочешь что-то из себя представлять? Сделать что-то стоящее?

В комнате воцарилась тишина, и миссис Бун нахмурилась, словно погрузившись в глубокие раздумья. Казалось, будто она не в себе. Она прижала ладони к лицу, слегка покачала головой, а потом потянулась за чаем и сделала глоток.

Когда она посмотрела на меня, в ее глазах было полное замешательство.

– О чем это мы? – Куда ее занесло? – Ах да. Ты должна выйти из дома, Мэгги Мэй. Подумай о своих родителях. Неужели они до конца своих дней будут сидеть с тобой в этом доме? Неужели они никогда не узнают, что такое брак без детей? Они на это не подписывались.

Я отвернулась от нее. Мне было обидно и больно. Но также мне было очень стыдно. Она права. Краем глаза я все равно видела, как она хмурится. Чем больше я видела, как она хмурится, тем больше злилась.

Выйти.

– Ну вот. Ты рассердилась и сейчас закатаешь истерику, – пробормотала она.

Я стукнула по столу один раз.

Нет.

Она постучала два раза.

– Да. Эмоциональная девочка-подросток решила закатить

истерику. Как оригинально. Доедай свой сэндвич, ворчунья. Я вернусь завтра.

Да пофиг, старая пердунья. Больше не опаздывай, – я закатила глаза и с силой затопала ногами по полу. Господи, а ведь я и правда закатила истерику. – *Как оригинально.*

– Ты злишься на меня, и это нормально, – сказала она, скатывая коричневую бумагу в комок. Она встала со стула, повесила сумочку на плечо и взяла мою книгу. Она подошла ко мне, взяла меня под подбородок и приподняла мою голову. – Но ты злишься только потому, что знаешь, что я права. – Она положила книгу мне на колени. – Нельзя просто читать эти книжки и думать, что это и есть жизнь. Это их история, а не твоя. А я не могу спокойно смотреть, как такая молодая девушка упускает шанс написать собственную историю.

Глава 9

Мэгги

– Ты начинаешь меня бесить, Шерил.

Шерил стояла в коридоре и ссорилась со своим парнем Джорданом, а я сидела на кровати и читала.

Поправка: Шерил стояла в коридоре и ссорилась со своим *бывшим* парнем Джорданом, а я сидела на кровати и читала.

– Да послушай, – простонала Шерил, постукивая каблук по стене. Она скрестила руки на груди и продолжала щелкать жвачкой. – Дело не во мне, а в тебе. Просто ты мне больше не нравишься.

– Ты надо мной издеваешься, – фыркнул Джордан. Он метался взад и вперед по коридору. – Ради тебя я порвал со своей бывшей! Я больше сотни баксов вывалил за билеты на выпускной, на чертов выпускной, на который я даже не хотел идти, – ради тебя. Я из кожи вон лез, чтобы хорошо с тобой обращаться. Я не ходил на вечеринки, чтобы смотреть с тобой девчачьи фильмы.

Шерил накрутила волосы на палец и пожала плечами.

– Тебя никто не заставлял это делать.

Джордан пораженно фыркнул.

– Нет! Ты заставляла! Ты даже каждый вечер курила со

мною.

– Жест доброй воли! – объяснила она. – Курил бы ты в одиночестве – стал бы аутсайдером. Со мной ты хотя бы стал общительным парнем!

– Чушь собачья, – огрызнулся он, запустив пальцы в волосы. – Завтра выпускной. Что мне, черт побери, теперь делать?

– Иди один.

Шерил была красавицей, это факт. У нее была большая грудь, полные бедра, тонкая талия, и она сформировалась как женщина намного быстрее, чем я. На мой взгляд, у нее было идеальное тело, а из-за того, что она несколько лет носила брекеты, – и идеальная улыбка. Она столько лет чувствовала себя лишней, что создала себе имидж, которому следовала с завидным упорством – даже если это значило, что ради небольшой толики внимания нужно сесть на экстремальную диету.

Еще один факт о моей сестре: она прекрасно знала о своей красоте и беззастенчиво пользовалась этим преимуществом, чтобы получать все, что ее душе угодно. При этом ей было плевать, что она могла причинить кому-то боль. Потом она приходила ко мне в комнату и рассказывала, скольких парней она использовала и со сколькими плохо обращалась просто потому, что ей что-то от них было нужно: свидания, деньги, подарки, секс – все, что угодно.

Иногда мне казалось, что она рассказывала мне это, пото-

му что затаила на меня обиду: ведь из-за меня она столько была лишена в детстве. Иногда мне казалось, что она чувствует себя виноватой из-за того, что делает, а мое молчание было для нее знаком, что все в порядке.

Она мастерски умела имитировать любовь. Также она могла заставить парней поверить в любовь, а повернуть такой фокус с нашими ровесниками было непросто – особенно с таким исправившимся хулиганом, как Джордан. Рядом с Шерил он из самого большого придурка на свете буквально превратился в мальчика на побегушках. Казалось, он умолял ее полюбить его – все время, за исключением тех случаев, когда она выводила его из себя. А когда она выводила его из себя, он показывал свое истинное лицо. Люди могут какое-то время притворяться, что они лучше, чем есть на самом деле, но со временем маски всегда спадают.

– Нет. Плевать на это. Ты говорила, что любишь меня, – выдавил Джордан, чуть не плача.

– Да, но любила – в *прошедшем* времени.

Я перестала читать и глянула на них из-за книги. Джордан покраснел и выглядел расстроенным, но казалось, Шерил это только забавляло.

– Нет, – прошипел Джордан, крепко схватив ее за руку.

Я отложила книгу.

– Нет. Это не тебе решать. Не без веской причины.

– Тебе нужна веская причина? Ладно. – Шерил вырвала руку из его хватки и выпрямилась, глядя ему прямо в глаза. –

Я спала с Хэнком.

Глаза Джордана расширились.

– Что? Нет.

– Да. – Ее глаза тоже расширились, а губы скривились в злой усмешке.

О нет.

Сейчас она раздавит его точно так же, как раздавила множество других парней.

– Я трахалась с ним на вечеринке у Тима, когда ты болел, и у него дома, когда я сказала тебе, что собираюсь делать прическу, и в своей комнате вчера, когда...

Джордан закрыл глаза и сжал руки в кулаки.

– Хэнк – мой лучший друг.

Она хихикнула и легонько толкнула его в грудь.

– Тебе следует тщательнее выбирать друзей.

Джордан дал ей тяжелую пощечину, и ее смех оборвался, а голова мотнулась в сторону. Она ударилась спиной о стену и сползла на пол.

Я понятия не имела, как это произошло, но в следующее мгновение я стояла в коридоре, сжимая книгу в руках, готовая вырубить Джордана, если он еще хотя бы пальцем прикоснется к моей сестре. Кожа Шерил покраснела на месте удара. Она приложила руку к лицу.

– Ты вонючая шлюха, – сказал Джордан.

Он плюнул на нее. Его слова причинили мне боль, но от действий мне было еще хуже.

Он закричал на нее срывающимся голосом.

– Ты вонючая шлюха! – заорал он, сильно ударив ее по лицу. Она отшатнулась назад и всхлинула, прижав руку к щеке. – Я дал тебе все. У нас была хорошая жизнь. А как же наш сын? Как же наша семья? Он бил ее – снова и снова давал ей пощечины. – У нас все было хорошо! – Он толкнул ее на землю и выпучил глаза как сумасшедший.

– Ты одумаешься, поверь мне, – сказал Джордан моей сестре. – И прибежишь ко мне на задних лапках.

Я высоко подняла руки, еле сдерживаясь, чтобы не ударить его. Я топала, и каждый раз, когда я моргала, мои мысли перемещались из прошлого в настоящее. Я топала, пока Джордан наконец не повернулся и не посмотрел в мою сторону. Когда наши взгляды встретились, я отступила назад.

Наружу выступила темная сторона Джордана. У каждого человека есть темная сторона, свой личный дьявол, которого люди почти все время держат в узде. Дьявол внушает лживые мысли, наполняет их страхом и сомнениями, подталкивая к не самым хорошим поступкам. Дьявола нужно контролировать. К его шепоту нельзя прислушиваться, и ему можно разрешать только выглядывать из чулана, в котором он заперт. Если выпустить его из заточения, дьявол может понастоящему завладеть разумом человека.

В ту ночь дьявол Джордана освободился от оков.

Его темнота пугала меня.

«Тише...»

Я медленно моргнула, а когда снова открыла глаза, на лице Джордана играла лукавая улыбка.

– И что ты собираешься делать, уродка? Молча забьешь меня до смерти книгой? – Он подошел ко мне и рванулся вперед, как будто собирался ударить меня.

Резкий рывок за платье отбросил меня назад, мак полетел из волос на лесную подстилку. Его пальцы обхватили ткань моего платья, и он повалил меня на землю. Мое дыхание стало прерывистым, он навалился на меня всем своим весом, и я закричала. Он закрыл мне рот своими мерзкими руками, заглушая мои крики.

Я брыкалась и кричала, кричала и брыкалась. Он хочет убить меня.

Открыв глаза, я обнаружила, что лежу на полу, закрыв лицо книгой, и дрожу от страха и нахлынувших воспоминаний. Я ненавидела эту часть себя – ту, которая иногда ускользала в прошлое. Я ненавидела то, каким это стало для меня потрясением, как это время от времени подчиняло меня себе. Но больше всего я ненавидела, когда это замечали другие люди. Обычно мне удавалось скрывать свои панические атаки. О них никто не знал.

Он рассмеялся над моей реакцией.

– Какая же ты debilка. Я пошел отсюда.

Он быстро спустился вниз и захлопнул за собой входную дверь.

Я поспешно встала на ноги и бросилась к Шерил. Я на-

клонилась и протянула руку, чтобы помочь ей подняться, но она отмахнулась от меня.

– Боже, Мэгги. Почему бы тебе просто не начать жить своей собственной жизнью? Оставь меня в покое, – пробормотала она, вставая и потирая щеку. – Ну и стыд.

Она поспешила к себе в спальню и захлопнула дверь.

Я помчалась к себе в спальню, схватила блокнот и фломастер, подбежала к двери Шерил и постучала.

Она открыла дверь и закатила глаза.

– Чего тебе?

Я нацарапала на листе:

Ты не спала с Хэнком.

Она провела пальцами по волосам и переступила с ноги на ногу.

– Мэгги, уйди.

Вчера ты ходила с мамой по магазинам. Ты не спала с Хэнком.

– Это не твое дело.

Джордан тебя ударил.

– Я его спровоцировала.

Он тебя ударил.

– Я давлю на него, Мэгги. Я на него давлю.

Я расскажу родителям, что он тебя ударил.

– Мэгги, да заткнись уже, – крикнула она шепотом. Она вырвала страницу из моего блокнота, скомкала ее и швырнула к себе в комнату. – Ты ничего не понимаешь ни в от-

ношениях, ни в парнях. Просто иногда Джордан ведет себя вот так. Я давяю на него, он давит на меня. Хватит делать из мухи слона. Не у всех есть психологические травмы, как у тебя, ясно? И то, что ты уродка и у тебя нет своей собственной жизни, не дает тебе право вмешиваться в мою.

Я сделала шаг назад.

Перебор.

Верхняя губа Шерил дернулась, и ее глаза остекленели. А вдруг она жалеет, что обидела меня? Она покачала головой взад-вперед, стряхивая с себя это ощущение.

– Извиняться не буду, ясно? Ты надавила на меня, я надавила в ответ. В любом случае мы с Джорданом больше не вместе, так что это не имеет значения. У меня на уме нечто куда более грандиозное. Так что если не возражаешь... – Она отмахнулась от меня. – Пока.

Я вздохнула и вернулась в свою комнату, в свой тихий уголок, и снова взяла книгу.

Иногда я задумывалась, каково это – выйти из дома. Но если за этими стенами есть такие люди, как Джордан, мне лучше оставаться внутри.

Я не могу сосредоточиться.

Уже несколько минут я сижу на кровати, раскрыв книгу на странице двести девять, но не могу сосредоточиться на книге. Я никак не могла забыть, как Джордан бьет мою сестру. Шок на лице Шерил, когда его рука коснулась ее щеки. Громкий вздох, сорвавшийся с ее губ.

Я зажмурилась.

«Тише...»

– У тебя сегодня все хорошо, Магнит? – спросил Брукс тем же вечером, стоя на пороге моей спальни с рюкзаком на плече. Мои глаза открылись, и я вздохнула с облегчением. Он и не подозревал, как вовремя приходит, но всегда появлялся именно тогда, когда был мне нужен.

Я закрыла книгу и села на кровать, скрестив ноги, глядя на него снизу вверх. Его отросшие, как у рок-звезды, густые каштановые волосы уже начинали падать на глаза. Время от времени он слегка откидывал голову назад, чтобы убрать волосы с лица. Иногда он сдувал пряди со лба, но никогда – вообще никогда – не поправлял волосы руками. Когда он смотрел на меня, он всегда так широко улыбался, что я просто не могла не улыбаться ему в ответ. Мне не всегда хотелось улыбаться. Но из-за Брукса мне всегда казалось, что хочу.

– Можно войти? – спросил он.

Я разрешила. Всегда разрешала.

Он сел на мою кровать. Я потянулась к прикроватной тум-

бочке за блокнотом и ручкой и открыла блокнот на первой свободной странице. Рядом с моей кроватью стояла урна, в которой было полно скомканных листов бумаги, накопившихся с прошлых вечеров, когда Брукс приходил ко мне в гости. Это наш лучший способ общения. Утром мы просто слушали музыку, а днем он говорил, а я писала ему в ответ. Я пыталась общаться так с миссис Бун, но она сказала, что не собирается помогать мне уничтожать деревья. Кроме того, она сказала, что у меня есть голос и я должна им пользоваться.

– Я слышал, вы с миссис Бун поругались, – сказал он. Я закатила глаза, и он хихикнул. – Она не хочет тебя обидеть, ты же знаешь? Я заглянул к ней, чтобы занести Булку, и она сказала мне то же самое, что сказала тебе. Я не говорю, что она выбрала правильную форму, но она хотела как лучше... – Он замолчал, когда увидел мой раздраженный взгляд.

– Она была права, – хихикнул он. – Ты ворчунья.

Я начала писать.

Она назвала меня Джессикой.

Он нахмурился.

– Ага. – Он слегка поерзал и посмотрел вверх.

Я подняла бровь.

Он притворился, что ничего не заметил, и начал смотреть еще выше. Я легонько толкнула его в плечо.

– Мне нельзя об этом говорить, Мэгги.

Я снова толкнула его.

Он вздохнул.

– Хорошо, но ты должна пообещать, что никому не скажешь.

Я почесала нос.

Да кому я скажу?

Он засмеялся и два раза постучал меня по носу.

– Я и забыл, что разговариваю с единственной девушкой на свете, которая прекрасно умеет хранить секреты. Моя мама сказала, что у миссис Бун проблемы с памятью. В прошлые выходные она бродила по округе, и, когда мама нашла ее, она не до конца понимала, где находится. Мама сказала, что, возможно, у нее ранняя стадия болезни Альцгеймера. Она хотела, чтобы миссис Бун прошла медосмотр.

И что в итоге?

Он нахмурился.

– Ты же знаешь миссис Б. Она довольно упряма – мягко скажем. Она сказала, что все в порядке и что она не хочет, чтобы кто-то совал нос в ее дела.

Мысль о том, что миссис Бун может быть серьезно больна, сильно меня обеспокоила. Да, я ее ненавижу, но я так ее люблю. И от одной только мысли о том, что с ней что-то может случиться, к горлу подкатывала волна тошноты.

Я начала было писать Бруксу ответ, но он не дал мне закончить.

– погоди, у меня для тебя кое-что есть. Для нас. – Он снял рюкзак, расстегнул его и вытащил огромную маркерную дос-

ку с новой пачкой маркеров. – Я подумал, так будет проще. К тому же мы больше не будем переводить столько бумаги. А если у нас когда-нибудь появятся секреты, не нужно будет обсуждать их вслух и можно будет легко уничтожить улики.

Я улыбнулась.

Он улыбнулся.

Я взяла маркер и начала было писать, но прежде, чем я успела вывести хоть слово, он сказал:

– Сегодня мы расстались с Лейси.

Мой рот открылся от удивления. Моя рука опустилась вниз, оставляя на доске длинную линию. Он нервно рассмеялся и пожал плечами:

– Да, я знаю.

Лейси и Брукс встречались около девяти месяцев – точнее, девять месяцев, две недели и четыре дня – но я не считала.

Почему?

– Ну, она типа меня бросила. Сказала, что не хочет быть в моей жизни на третьем месте.

На третьем?

– После музыки... и, ну... – он улыбнулся мне, но эта улыбка больше походила на гримасу, – тебя.

Моя грудь сжалась. Я выпрямилась. Он продолжил говорить:

– Она считает, что я провожу с тобой слишком много времени. Она немного ревнует из-за того, что я каждый день

прихожу тебя проведать. А еще у нее появилась сумасшедшая идея, мол, между нами что-то есть.

Разве? Разве между нами что-то есть?

Он закатил глаза.

– Разумеется, это не так. Я не стал ей врать и сказал, что мы просто друзья.

Да. Конечно. Между нами ничего нет. Я слегка сжала подвеску с якорем, которую носила, не снимая.

Мы с Бруксом просто друзья. Но почему тогда мне так больно?

– В любом случае я хотел, чтобы ты узнала об этом первой. Это просто отстой, я ведь столько денег потратил на смокинг для завтрашнего выпускного. Ну и ладно.

Я понимала, что для него это очень важно, потому что он пожевывал большой палец правой руки. Он всегда делал так, когда ему было больно.

Мне так жаль, Брукс. Мне жаль, что тебе больно.

– Да, мне тоже. Знаешь, она ведь мне нравилась. Лейси была классной. Но, – прочитав, что я написала на маркерной доске он нахмурился, а потом стер надпись ладонью, – видишь? Один взмах руки – и боли больше нет.

Он встал и начал ходить по моей комнате, проводя пальцами по корешкам всех моих книг. Я знала, что боль никуда не делась, потому что когда Бруксу было больно, он ходил и водил пальцем по корешкам книг.

Крошечный книжный стеллаж, который был у меня с дет-

ства, теперь был забит книгами. Те книги, что не помещались на полки, были разбросаны по всей спальне.

В отличие от большинства людей я расставляла книги не по жанрам или имени автора. Я расставила их по цвету переплета. Все красные стояли в одном конце комнаты, а фиолетовые – в другом. Поэтому любому, кто входил ко мне в спальню, казалось, что в комнате словно развернули радужную ленту.

– Что это? – спросил он, взяв в руки небольшой блокнот в кожаном переплете.

Я вскочила с кровати и поспешила к нему.

Он злобно ухмыльнулся.

– О боже... неужели это дневник Магнит?

Я подпрыгнула, чтобы достать его, но он поднял его над головой. Я снова подпрыгнула, и он убрал его за спину. Пытаясь отобрать у него дневник, я размахивала руками как ненормальная.

– Что у тебя там? Грязные секретки? Мне так интересно, не могу удержаться. – Его ухмылка стала шире, и при виде его усмешки я испытала одновременно и счастье, и злость, и возбуждение, и испуг. Чем больше он прыгал, чтобы я не отобрала у него дневник, тем больше я прыгала, пытаюсь вырвать блокнот у него из рук. Каждый раз, когда моя кожа касалась его кожи, мне хотелось быть к нему еще ближе. Каждый раз, когда он прикасался ко мне, мне было мало. Он никак не мог перестать смеяться. – Прости, Мэгги. Я знаю, ты

не простишь меня за это, но я это сделаю. Я просто прочитаю одну страницу. Мне нужно понять, что у тебя в...

Он открыл первую страницу.

Замер.

Перестал говорить.

И смеяться тоже перестал.

– Список дел Мэгги? – спросил он.

Мои щеки горели, желудок скрутило узлом. Я снова усе-
лась на свою кровать.

Он сел рядом со мной и протянул мне дневник.

Все дело в чтении.

Оно было одновременно моим даром и проклятием. Благодаря книгам я с головой окуналась в мир, о котором ничего не знала, но при этом они напоминали мне обо всем, что я упускала.

Так что я написала список.

И если я когда-нибудь, каким-то образом смогу выйти за порог моего дома, я буду знать, что делать, искать, исследовать.

Может быть, я принимаю желаемое за действительное, но если книги чему меня и научили, так это тому, что мечты стоят того, чтобы воплощать их в жизнь.

Мой список дел с каждым днем становился все больше. Каждый раз, когда в одной из моих книжек происходило что-то захватывающее, я записывала это в свой блокнот вместе с названием вдохновившего меня произведения. Итак, я хо-

тела заняться верховой ездой из-за «Национального бархата»¹⁰. Сходить на бал и неожиданно сбежать с него из-за «Золушки». Побывать в двух местах сразу благодаря «Спеши любить»¹¹.

В моем списке дел были сотни пунктов, и иногда я задавалась вопросом, вычеркну ли я из него хоть что-нибудь.

– Это список того, что ты хочешь сделать? – с пониманием спросил он.

Я кивнула.

– Знаешь, а ведь ты можешь вычеркнуть их все.

Может быть.

Потом я стерла это слово.

Он написал: **Точно.**

Потом он стер это слово, но оно осталось у меня в голове.

Некоторое время мы сидели и молча смотрели на пустую доску.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь, Мэгги?

Я много об этом думала. Об ответе на этот вопрос. Кем я хочу стать? Кем я *могла бы* стать? Наверное, писателем. Я могла бы публиковать книги в Интернете, и мне не пришлось бы выходить из дома. Или художником. Тогда папа возил бы мои картины на продажу на ярмарки. Или, наверное...

¹⁰ «Национальный бархат» (англ. National Velvet) – роман Энид Багнольд. Главная героиня Вельвет Браун с детства увлекается верховой ездой.

¹¹ *Спеши любить* (англ. A Walk To Remember) – роман Николаса Спаркса про историю любви популярного парня и девушки-аутсайдера, больной лейкемией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.